



Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал • №

6

1969

РАБОТНИЦА



14 июня 1969 года — день открытия в Хельсинки Всемирного конгресса женщин. Он посвящен проблеме «Роль женщины в современном мире».

Нашу делегацию на конгресс возглавляет Валентина Владимировна Николаева-Терешкова, Председатель Комитета советских женщин. Зоя Павловна Пухова, ивановская ткачиха, Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета СССР, тоже входит в делегацию. Ее вы видите на снимке беседующей с инженером-методистом А. Ф. Голубевой.

И ТЫ ЭТОЙ СИЛЫ ЧАСТИЦА

А. ЛЕВИНА

Блестящие суставы шатунов согнулись и разогнулись — «раз-два», еще «раз-два», и колеса, тяжелые, неподвижные, словно вмерзшие в рельсы, вдруг плавно повернулись, ласково погладили их, и паровоз пошел.

Первый раз это чудо случилось с ним в начале века; паровоз Ов7024 вышел тогда из ворот завода. Но недолго он работал, проталкивая своими локтями-шатунами поезд по верстам России: война, разруха привели его на кладбище.

Это было особое кладбище — кладбище паровозов. Они стояли и лежали, черные, безмолвные, как бегемоты, груды металла, лишённые огня и воды, и не было, казалось, силы, способной оживить их. Но такая сила была.

Еще раз это чудо рождения движения произошло в апреле 1919 года, 13-го, на рассвете. Всю ночь четырнадцать мужчин и одна женщина работали в темном, холодном депо. Мужчины чинили паровоз, латали его дыры и лечили его раны, а женщина делала из промасленной пакли факелы и, зажигая их один от другого, светила работникам. То и дело звали они ее: «Ксюша, посвети-ка здесь». И она светила, вызывальщица депо Москва-Сортировочная Аксинья Кабанова, сочувствующая большевикам и потому пришедшая вместе с ними на эту ночную добровольную работу. А еще кипятила ведерный самовар в вагончике партячейки — бывшем пассажирском вагоне, что стоял рядом, на деповских путях. И угощала своих товарищей кипятком — больше нечем было. На стене в вагончике висела карта. И какая же маленькая, сжатая со всех сторон была на ней Советская республика! Всего 9 губерний осталось. С востока Колчак жмет, с запада — немцы, с севера — опять же интервенты. А эшелон с питерскими добровольцами и моряками сутки уже на путях стоит, на фронт их отправить нечем, ни одного исправного паровоза нет. Рабочие-большевики решили ремонтировать паровозы, что лежали на кладбище. И надо управиться к утру.

И они управились. В шестом часу, когда гасли в светлеющем небе звезды, вздохнул поздоровевшей грудью, заработал локтями-шатунами паровоз Ов7024 и поспешил на станцию — туда, где ждали его вагоны с надписями на боках: «Смерть Колчаку!». Стоя у путей, горстка усталых, перемазанных людей провожала свой паровоз. Сердца их переполняло чувство какой-то особой, никогда ранее не испытанной радости, и они тихо, вполголоса, словно не гимн, а что-то очень личное, запели «Интернационал». И когда пели «Мы наш, мы новый мир построим...», так ясно влетался в густоту мужских голосов звонкий голос деповской вызывальщицы Ксюши Кабановой. А отремонтированный ими паровоз уже мчал красноармейцев на фронт.

Он много еще трудился, № Ов7024. Возил лес на стройки пятилеток и войска к Бресту. А потом, когда на смену паровозам этой марки пришли другие, мощные локомотивы, этот «Ов» не пустили в переплав — его бережно охраняли, как экспонат музея. На поручнях его белела мемориальная доска.

Но настал день, когда с ним снова случилось счастливое чудо — рождение движения. И выкатился он из депо под апрельское небо. Да, снова 12 апреля, ровно через пятьдесят лет, субботник в депо Москва-Сортировочная. Только депо другое — светлое, чистое, а в ремонте — электровазы и тепловозы. Рядом с ними именинник Ов7024. Украшенный кумачом, сегодня он — трибуна митинга. С его паровозной площадки по-особому звучат слова о том, что будет вечно светить людям труда факел первого субботника. Этот свет снова привел людей сюда на добровольную работу. И мне, журналисту, так хочется сегодня не ходить с блокнотом, а хоть что-то сделать здесь своими руками. С завистью гляжу я на протирщиц: они надравивают электровазу бока, моют окна. Вот бы и мне с ними. Мастер смотрит на меня испытующе: дескать, будет ли толк, не подведу ли бригаду? Я молчу. Какие права на участие в этом субботнике я могу предъявить? Корреспондентское удостоверение тут не имеет ни малейшего значения. Вот если б я могла предъявить этому мастеру свой субботнический стаж!

Сколько их было за мою жизнь (как за жизнь каждого, родившегося в тридцатых), воскресников и субботников — и в колхозе на уборке картошки и на погрузке дров (школа замерзает, старшие в ней мы — 6-й класс, 13 лет). Ночью через темную, спрятавшуюся за маскировочными шторами военную Москву едем мы на грузовой трамвайной платформе в Серебряный бор. Бревна тяжелые, крупные, и мы тащим их, облепив, как муравьи, по десять человек. Но на всю жизнь остается в памяти не ощущение этой тяжести, а какой-то удивительной, подхватывающей, окрыляющей силы, радости общей работы. И на стройке университета. Еще мы не называемся студенческими строительными отрядами, еще нет у нас красивой защитной формы, но все лето мы роем траншеи, разгружаем песок и гравий, и уже пишутся стихи: «А работа на строительстве университетской канализации — самое романтическое в биографии моей...»

Но ничего этого я, конечно, не рассказываю мастеру, я просто молча смотрю на него.

— Ну, что же, — говорит мастер, — раз есть такое желание... — Нина! Дмитриева! — окликает он одну из протирщиц. — Вот тебе напарница, командуй.

Нина катит с другого конца цеха тележку. Мы взбираемся и сразу становимся вровень с окнами электроваза.

— Я буду меловыми концами, а ты начисто, — говорит она мне и дает чистую тряпку. — А потом поменяемся. Три вот это, оно уже подсохло.

И я протираю. Я дышу на стекло и тру. Чисто? Нет, кажется, осталась мутинка, и я тру еще и еще. Вот мы принялись за грязные стекла кабины машиниста — Нина снаружи, я изнутри. Другие — Вера Дерелкина, Тоня Шмелева, Дуся Алексашина, Валя Булакина — протирают стены. Надо, чтоб было чисто, чтоб все блестело и сияло — этот электроваз поведет состав в Ульяновск.

Как я стараюсь! И какая радость переполняет меня! И не только меня: сквозь стекло мне улыбаются освещенное радостью лицо Нины, лица слесарей и протирщиц. Ну кто объяснит, почему обычная, обыденная работа — мытье окон (дома она кажется и унылой и уютной) может наполнить человека такой радостью, если делаешь ее вот так — прилюдно, вместе с другими и не по необходимости, не за плату, а добровольно?

Кто объяснит? Есть такое объяснение. Об этом написана книга. Она называется «Великий почин». Написал ее Владимир Ильич Ленин. В 1919 году, 28 июня, через три месяца после первого субботника. Когда, прожив военное, насыщенное субботниками детство, повзрослев, впервые раскрываешь эту ленинскую книгу, тебя поражает прежде всего то, что это книга о пережитом тобой лично, книга о том, как труд, а вовсе не праздность становится источником счастья для человека. И еще поражает тебя, как бережно, как скрупулезно собрал Ленин все газетные сообщения о субботниках, промелькнувшие за два месяца — с 12 апреля, когда был первый субботник, по 28 июня, когда писалась статья. Кажется, нет больше ни одной ленинской работы, где бы газетные заметки, а не философские статьи цитировались так полно, так щедро. Он приводит их «с наибольшей подробностью и полнотой», как сам подчеркивает, сохраняя мельчайшие «из жизни взятые» детали в «Заметках субботника»: какую еду получали, какие песни пели, как, с каким настроением шли, при ка-



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Журнал основан 8 марта 1914 года

Издательство «ПРАВДА» • И Ю Н Ъ 1969

ких факелах работали. Почему бы это? Сегодня, когда на субботник выходят миллионы, нам кажется, что с самого начала субботники были признаны всенародно. А ведь это совсем не так.

Через 8 месяцев после первого субботника, в декабре 1919 года, на московской конференции РКП(б) Владимир Ильич рассказывал: «Когда впервые только были организованы коммунистические субботники, трудно было еще судить о том, насколько подобное явление заслуживает внимания и может ли из него вырасти что-либо большое. Помню, когда первые известия об этом стали появляться в партийной печати, то отзывы товарищей, стоящих близко к делу профессионального строительства и Комиссариату труда, вначале были чрезвычайно сдержанные, чтобы не сказать — пессимистические. Им казалось, что придавать большое значение этим субботникам нет никаких оснований».

Да, воистину нужна была ленинская прозорливость, чтобы мало кем замеченный почин добровольной работы 15 железнодорожников назвать великим. Как ботаник, рассматривая под микроскопом крошечный росток, видит будущее дерево, так Ленин в первом субботнике увидел именно тот росток, из которого разовьется через полстолетия могучее дерево коммунистического труда. И, надо думать, именно потому, что субботники «недостаточно еще оценили», включил Ленин в свою брошюру все газетные заметки о первых субботниках. Проектором своей мысли он высвечивает их для всех. Чтобы те, кто не обратил на них достаточного внимания или просто пропустил в текучке будней, теперь еще раз вчитались в них, задумались над ними.

Рабочие видели в субботниках всего лишь средство «для поддержания народного хозяйства», а Ленин увидел «начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение». Рабочие полагали, что у субботников вполне определенный срок и цель — «коммунистическую субботу ввести во всем подрайоне до полной победы над Колчаком». Ленин увидел в этих субботниках такое, с помощью чего можно было победить врага более коренного, чем Колчак, — он увидел в них начало того, чем «будет вбит последний гвоздь в гроб погребаемого нами капиталистического общества».

Ленин увидел в этом ростке прежде всего рождение новой дисциплины, дисциплины товарищеской связи.

Все полтора года, что прошли от политического переворота в октябре 1917-го до первого субботника в апреле 1919 года, вопрос о дисциплине — в центре ленинского внимания.

Да, дисциплина в государстве упала, упала и в армии и на заводах. Но «...точно бывала на свете, — отвечает Ленин злорадствующим врагам, — точно бывала в истории хотя бы одна действительно великая революция... без потери дисциплины, без мучительных шагов опыта, когда масса вырабатывает новую дисциплину».

На протяжении этих полутора лет Ленин в своих речах и работах не устал говорить о необходимости создания новой дисциплины: «...нам предстоит либо гибель, либо самодисциплина...» (май 1918).

Прядильщица Н. Прудикова, одна из лучших работниц Витебского коврового комбината, предприятия коммунистического труда.



Взамен крепостнической дисциплины-палки и капиталистической дисциплины-голода «...должна создаваться на совершенно новых началах, дисциплина доверия... дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе» (июль 1918).

И, наконец, 3 апреля 1919 года, за несколько дней до субботника, делая на чрезвычайном пленуме Моссовета доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики, Ленин предлагал «бороться со всеми проявлениями усталости, малодушия, колебания, всячески подбадривать... подкреплять твердость духа, сознательность и товарищескую дисциплину».

Ленин не только первым разглядел все величие почина субботников, когда они уже родились, но задолго до 12 апреля 1919 года, можно сказать, нравственно готовил, предвидел его: «...в массах добровольно, по их собственному почину, — писал Ильич, — растет сознание того, что они... основанную на эксплуатации и рабстве... дисциплину должны заменить не по указке сверху, а по указанию своего жизненного опыта, заменить новой дисциплиной объединенного труда...»

И они заменили. Именно не по указке сверху, а по собственному почину рабочих родилась, как пишет Ленин в «Великом почине», «новая общественная социалистическая дисциплина», «свободная и сознательная дисциплина самих трудящихся», «новая общественная связь».

И это дало уже первые плоды. Работа сразу стала более продуктивной. Цитируя заметки о первых субботниках, Ленин с особым тщанием выделял именно это: «Интенсивность труда... выше обыкновенных рабочих на 270%», «в коммунистическую субботу сделано работы за неделю», «производительность труда была выше обычной в 2—3 раза», «интенсивность работы квалифицированных рабочих-коммунистов превосходила обыкновенную производительность в 13 раз». В этом увидел Ленин силу, способную прорвать «порочный круг» голода и разрухи. Ведь именно «производительность труда... самое важное, самое главное для победы нового общественного строя».

Ленин верил, что ростки коммунизма, какими являлись первые субботники, «...при поддержке пролетарской государственной власти... не зачахнут, а разрастутся и разовьются...». Могучее, ветвистое, сильное и прекрасное дерево развилось из них. Потому что крепки были их корни, живительные соки народной инициативы питали их.

Дисциплина товарищеской связи — какой она стала, во что развилась через десятилетия? Надолго запомнилась мне поездка на казанский «Теплоконтроль» с мастером московского завода «Манометр» Лидией Михайловной Гусевой.

Лидия Михайловна ходила по казанскому заводу не как гость, а скорее как хозяйка: переходила от одного рабочего места к другому, тут же бралась за отвертку, показывала, что и почему делается не так. Это «не так» и привело нас сюда. О казанских манометрах шла дурная слава. Химики просили не присылать им «казанский брак». «Как же так? — говорила казанцам на собрании Гусева. — Мы с вами прибористы. Неужели вы не думаете о тех, кому с вашими приборами работать? Люди вашей работе доверяют, а вы их доверие обманываете!» Собрание было прямо в цехе, Гусева стояла в таком же халате, как и все, в руке у нее так и осталась отвертка, и говорила она, как бы дирижируя ею. Она говорила про «трипку» и «регулировку», про «жидкий шерлак» и «плохие педали» — про все, о чем, наверное, много раз говорилось этим молодым работницам, но только теперь, как видно было по их лицам, доходило это до сердца. Потому что волновали не только слова — волновало, кто и как это говорил.

Прошел месяц, и я услышала в телефонной трубке голос Лидии Михайловны Гусевой: «Радость хочу сообщить. От казанцев письмо. Сами девушки пишут. Качество изменилось, технологическая дисциплина улучшилась». Что ж, пусть именуется она технологической, эта дисциплина, но улучшилась — то она потому, что в основу ее легла дисциплина товарищеской связи, товарищеской ответственности и перед своими же манометристами и перед теми, кому их приборами пользоваться.

Когда рабочий, сдающий всегда детали только высокого качества, получает «личное клеймо», когда бригада формовщик решает работать на общий наряд (чтоб ни минуты простоя), когда сами маляры придиричей любой комиссии принимают стены под покраску от штукатуров, — разве все это не есть осуществленная «дисциплина доверия», «дисциплина самостоятельности и инициативы», «дисциплина товарищеской связи»?

Говоря о небывалом росте производительности труда, достигнутом на субботниках, Ленин мечтал: «Если в голодной Москве летом 1919 года голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистической войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир!»

Развитие дальше — каким было оно? Когда разговариваешь с работницами — инициаторами новых починов повышения произво-



Южные Курилы, остров Кунашир. Идет геологоразведка...

Фото Н. КОМАРОВА.

длительности труда, поражает обычно простота, с которой они объясняют смысл своего начинания.

Челябинская свердловщица Мария Мороз: «Я сказала: почините мне в станке то-то, переделайте это — и я сразу смогу дать полторы нормы. Все это написала на бумажке. Это уж после назвали «личный план повышения производительности труда».

Горьковская стерженщица Софья Кузнецова: «Ну что толку, если я 125 процентов нормы дам, а рядом со мной молоденькая девчонка-неумеха — 75 процентов? Сколько я перевыполню, столько она недодаст. И стала я ее учить. Конечно, может, я чуть меньше успею, да зато девчонка уж норму тянет. Глядишь, перевыполнять скоро будет. Одну обучила, другую, ну а потом лозунг написали: «Ни одного отстающего рядом».

Разные девизы, разные формулы у десятков сменяющих друг друга починов. А как же не сменять? Новое время, новые задачи, новые способы их решения. Но если вдуматься в побуждения, рождающие эти разные почины, как бы привести их к общему знаменателю — причине, то увидишь, что все они, словно листья на ветвистом дереве, которое поднялось из ростка первого субботника, что родоначальник их всех — тот, первый почин, названный Лениным великим.

Потому что в основе всех этих починов «...самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достоящихся на работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей...»

Разве можем мы представить теперь нашу жизнь без этой «заботы о дальнем»?

Она вошла в нашу плоть и кровь, ее впитывают с молоком наши дети: октябрята мастерят игрушки малышам «чужого» детства, пионеры собирают железный лом, чтоб выстроить плавательный бассейн для неизвестных им ребят с «дальней» Чукотки, причем участвовать во всем этом для них так же естественно, как дышать и жить.

Это стало привычной, само собой разумеющейся нормой поведения, и мы этого даже не замечаем. А как же иначе? Но то, чего не замечаем мы, замечают люди, живущие в обществе других норм. Послушайте рассказы советских рабочих, которые во многих странах мира помогают строить плотины, дороги, монтировать заводы, — и вы поймете, что еще важнее, чем передача нашего технического опыта, передача опыта нравственного. «Помощником у меня был араб, — рассказывает экскаваторщик, вернувшийся с Асуана, — стал я его учить на машиниста. Остаемся после смены, жара падает, объясняю. Технику-то он понимать начал, а другого никак не поймет: вот, мол, вы время тратите, за это никто не платит — зачем вам это? Ну, как ему объяснить, что, если он на машиниста выучится, мне хорошо? Не понимают они еще этого». Да, не понимают, потому что им еще предстоит победа, начало которой в нашей стране было положено субботниками, «...победа над собственной косностью... мелкобуржуазным эгоизмом; над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство...»

Могучее дерево выросло из того ростка, но еще не все плоды созрели на нем. Ленин предупреждал, что «строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, это — работа многих лет и десятилетий». «На быстрые успехи в этом мы не претендуем, не рассчитываем. Мы знаем, что это дело займет целую историческую эпоху».

Эта эпоха еще не кончилась. Задача еще не выполнена до конца. Разве можем мы сказать, что нет у нас людей, готовых разорвать единую цепочку дисциплины товарищества, — прогульщиков, бракоделов? Есть еще. Что не осталось у нас таких, которые прежде всего заботятся о достоящемся им лично и их ближним, а о дальних нет у них заботы? Остались и такие. Разве можем мы утверждать, что все стремятся добровольно и сознательно выработать больше и нет таких, что придерживают свои резервы: «Зачем я буду лишнее вкалывать?» Есть и они.

Но вдумайтесь: в 1919 году, когда по призыву самого Ленина, число субботников было «ничтожным... по сравнению с массовыми случаями хищения, безделья, упадка производительности», он находил основания для исторического оптимизма и именно эти «ничтожные числом» субботники считал главным из происшедшего. А сегодня мы смело можем сказать обратное: что незначительно число нарушителей товарищеской дисциплины, рвачей и тормозильщиков по сравнению с миллионами тех, кто трудится честно, кто не рвет связки товарищества, для кого труд на общую пользу стал, как и мечталось Ленину, естественной потребностью. Так разве не имеем мы права для исторического оптимизма, для утверждения, что нравственная революция в отношении к труду, началом которой был первый субботник, развивается у нас успешно?

Мы чувствуем это всегда, в любые дни. Но, наверное, особенно рельефно, зримо и, может, как-то не разумом, а именно сердцем убедились мы в этом в субботу, 12 апреля этого года.

Эй, кто ты, слесарь, токарь, плотник —

не оставайся в стороне!

Коммунистический субботник

в коммунистической стране,—

гремело над Родиной.

И никто не остался в стороне. В этом субботнике участвовало «все трудоспособное население страны». И, конечно, особого символического значения был исполнен этот день добровольной работы в депо Москва-Сортировочная. На всю жизнь останется у меня в памяти, как трое из тех пятнадцати, кто 50 лет назад впервые зажег факел великого почина, — машинисты Ф. И. Павлов, Я. М. Кондратьев и В. М. Сидельников — отправляют в путь отремонтированный на нынешнем субботнике электровоз.

Далеко по стране унесет он ленинский портрет на кабине машиниста и надпись «Эстафетный поезд в честь 50-летия первого коммунистического субботника». Унесет свой номер «ВЛ22м № 2021», который мы с Ниной Дмитриевной надраивали до блеска, унесет частицу меня самой. И оставит взамен навсегда чувство работающего праздника, трудового товарищества.

Мы рассказываем здесь о делегатках Всемирного конгресса женщин — деятельницах женского движения разных стран и материков



ВЕНГРИЯ

ЭДИТ ЭРДЕИ

Однажды в вестибюле здания Всевенгерского совета женщин я увидела большую группу людей. Дежурный говорил по телефону:

— Товарищ Эрдеи, приехали посетители из области Саболч, хотят вас видеть...

Я проводила гостей к кабинету Эдит. Она приветливо встретила их на пороге, пригласила зайти.

— Чем могу помочь?

— Мы просто пришли навестить вас, — ответил руководитель группы. — Раз уж приехали в Будапешт, зайдем-ка, думаем, к нашему депутату пожелать доброго здоровья...

Десять лет назад я сопровождала Эдит Эрдеи в ее первой предвыборной поездке по селам области Саболч, граничащей с Советским Союзом. Эдит волновалась, сможет ли найти общий язык с сельскими избирателями: ведь она бывшая работница и в городе, на предприятиях чувствует себя как рыба в воде, а вот деревню знает плохо.

Но волновалась она напрасно. Люди труда всегда поймут друг друга.

С тех пор избиратели области Саболч трижды дове-

ряли Эдит Эрдеи представлять их интересы в Государственном Собрании Венгерской Народной Республики.

Эдит было 13 лет, когда она, выдав себя за пятнадцатилетнюю, поступила на будапештскую камвольную фабрику и стала сменщицей своей матери.

После освобождения Венгрии от фашистов Эдит продолжала работать на фабрике. Боевая, энергичная, она быстро приобрела популярность — сначала среди женщин фабрики, потом в женской организации 19-го района Будапешта, где жила, а позднее во Всевенгерском совете женщин. Она успешно представляет женщин своей страны и в международном движении.

Личная жизнь Эдит сложилась счастливо. Ее муж, Ласло Эрдеи, бывший рабочий-полиграфист, за годы народной власти стал кандидатом наук, работает в институте философии. У Эдит и Ласло двое детей — дочь и сын. Они уже взрослые. Дочь замужем, сын стал полиграфистом — полюбилась первая профессия отца.

Эдит может говорить о наборных машинах и другой полиграфической технике, как будто сама работала в типографии, — столько она наслушалась обо всем этом от сына и мужа. У нее редкая способность вникать в дела других, как в свои собственные, и так же близко принимать их к сердцу. И дома, среди близких, и на работе, — особенно, если речь идет о женских проблемах.

Многие пункты венгерского семейного права, охраняющие семью и интересы женщин, были приняты по предложению Эдит Эрдеи.

Пирошка СЕМЕШ

УРУГВАЙ

ИРЕНЕ ПЕРЕС

Недавно в Комитет советских женщин пришло письмо из Уругвая. Активная деятельница женского движения Ирене Перес писала: «Обстановка в стране с каждым днем ухудшается. Растет дороговизна и безработица, все острее проявляется недовольство народа политикой правительства и вмешательством США в наши внутренние дела... Усиливаются репрессии, но они не могут поколебать народ. Наоборот, они только разжигают классовую ненависть...» И дальше Ирене рассказывала, как уругвайские женщины вместе со своими мужьями и братьями ведут непрекращающуюся борьбу против безработицы и ее непременных спутников — голода и нищеты: «Правительство ввело так называемые чрезвычайные меры безопасности. Брошены в тюрьмы тысячи рабочих и работниц. В дни передач у тюремных ворот выстраиваются огромные очереди. Наши активисты приходят сюда и рассказывают женам и родственникам заключенных о подлой политике правительства, которое продает страну международным империалистам. Мы вынуждены прибегать к подобным формам агитационной работы, так как правительство ввело жесткую цензуру и ни одно правдивое слово не проникает в печать...»

Ирене Перес понимает, что только в классовой борьбе, рука об руку со всем пролетариатом страны уругвайская женщина может завоевать равноправное положение в обществе. Этому научила ее партия коммуни-

стов и весь опыт ее собственной жизни.

Дочь рабочего, который в 1917 году был вышвырнут на улицу за участие в забастовке железнодорожников, она с 14 лет начала зарабатывать на хлеб, кормить семью.

Вскоре Ирене стала одним из организаторов первого профсоюза женщин-текстильщиц. Она не боялась сказать правду в глаза хозяевам, призвала работниц бороться за свои права. Ее уволили как зачинщицу забастовки. Но Ирене не прекратила борьбы.

К 1946 году в рядах профсоюза насчитывалось уже 25 тысяч рабочих — почти все текстильщицы хлопчатобумажных фабрик Монтевидео.

А сама Ирене по-прежнему не имела работы. Ей удалось устроиться на фабрику только через 13 лет после увольнения.

В 1954 году Ирене вошла в руководство профсоюза рабочих текстильной промышленности, позже стала ответственным секретарем женской комиссии Национальной Конфедерации трудящихся Уругвая.

Сейчас, в тяжелые для Уругвая дни, женщины показали себя настоящими борцами. Они провели несколько акций солидарности с бастующими рабочими. Недавно, в частности, они организовали сбор средств в фонд солидарности и на эти деньги открыли поликлинику, первыми пациентами которой стали члены семей забастовщиков, уволенных или брошенных в тюрьмы. Женщины организуют вечера, концерты, и все это — в фонд солидарности. Средства из этого фонда идут на оказание помощи бастующим трудящимся и семьям политзаключенных.

ФИНЛЯНДИЯ

АННА-ЛИИСА ХЮВЕНЕН



У женщин Финляндии роль в конгрессе особая: они хозяйки, принимающие у себя посланниц всех стран. Работу они провели огромную, и организует ее Демократический союз женщин Финляндии, который уже много лет руководит Анна-Лииса Хювенен.

— Мы очень рады, что наша столица избрана местом такой значительной встречи, — сказала Анна-Лииса корреспонденту, пришедшему к ней по просьбе редакции. — И проблемам, которые вынесены на обсуждение, мы придаем самое большое значение. Подготовка к конгрессу оживила всю нашу работу. Все с удовольствием готовили подарки гостям, собирали деньги, чтоб помочь приехать в Хельсинки делегатам из Мозамбика и Вьетна-

ма, познакомились с положением женщин в разных странах мира, а вместе с этим — и с насущными мировыми проблемами.

Над письменным столом Анны-Лиисы — известный портрет Ленина с «Правдой». Хозяйка этого кабинета гордится, что она коммунистка. И выросла она в семье коммунистов. Во время второй мировой войны родители были арестованы. На руках у Анны-Лиисы осталось трое младших братьшек. Бедствий, которые она перенесла, хватило бы на многих...

Первый опыт организационной работы Анна получила в Демократическом союзе молодежи Финляндии: сразу после войны она стала комсомолкой. А потом ее избрали скандинавским секретарем Союза демократической молодежи мира. Те-

перь в молодежном движении занят старший из сыновей Анны-Лиисы. А всего их трое, и с матерью у них полное понимание.

— Недавно я спросила у старшего, какой он видит свою будущую жену, — рассказывает Анна. — Достаточно ли, спрашиваю, чтобы она была хозяйкой и воспитывала детей? Меня, признаюсь, порадовал ответ сына. Он хочет, чтобы жена его была современной, а такой он считает свою мать: «Хоть времени для семьи у тебя и мало, — говорит он, — зато жизнь, и в том числе потребности молодых, ты знаешь и видишь широко и полно».

Вот так — широко и полно — знает Анна-Лииса Хювенен и нужды трудящихся женщин своей страны и, не жалея сил, борется за их удовлетворение.



АНГОЛА

МАРИЯ САНТОС

4 февраля 1961 года жители Луанды — главного города португальской колонии Анголы — разбудили пулеметные и автоматные очереди. Глубокой ночью три группы патриотов напали на тюрьму, где томились их братья-анголезцы. Так началось в этой стране национально-освободительное движение за изгнание португальских колонизаторов.

На борьбу поднялись мужчины, женщины, юноши. Пришло время, когда на территории страны появились освобожденные районы, где власть принадлежит анголезцам и где нет ни одного португальского колонизатора. Как только началась освободительная борьба, анголезские женщины, объединившись в союз, встали рядом со своими мужьями и братьями. Наш корот-

кий рассказ об одной из них — Марии Сантос.

Ее хорошо знают бойцы народного движения за освобождение Анголы и жители тех мест, где она помогает налаживать новую жизнь, заботится о доставке продуктов питания, медикаментов, учит женщин шить. Вместе с другими деятельницами Организации женщин Анголы Мария закладывает первые очаги просвещения.

В семье Марии Сантос двое детей: мальчик Ганнибал и девочка Тереза. Это не ее дети. Восемь лет назад их отца, участника национально-освободительной борьбы, схватили португальские каратели и, страшно надругавшись над ним, распяли на кресте. Мать ушла в партизаны, чтобы отомстить за мужа. А заботу о детях взяла на себя Мария.

На международных женских конференциях, совещаниях и встречах Мария Сантос гневно и страстно выступает от имени всех женщин своей родины, от имени народа, страдающего, но не сломенного.

«У меня на родине, — говорила Мария на Международной конференции по проблемам детей в Стокгольме, — свыше шестидесяти процентов детей умирает, не дожив до года. Наша борьба против болезней, за лучшую жизнь для детей, за возможность дать им образование неразрывно связана с борьбой против господства португальских колонизаторов. Наша самая главная цель — завоевать независимость, потому что только тогда сможем мы обеспечить своим детям нормальную и достойную жизнь».



СУДАН

ФАТМА АХМЕТ
ИБРАГИМ

Ее знают все женщины Судана. Теперь и отец, правоверный мусульманин, гордится ею. А как он возмутился восемнадцать лет назад, когда прочитал в газете первую заметку, где упоминалось имя его дочери! Слыхано ли, чтобы в мусульманской стране женщины осмелились протестовать, да еще публично!

Тогда хартумская газета напечатала протест учениц женской школы: их учительница — англичанка — заявила на уроке, что они, «черномазые», «недостойны тех благ, которые несет им Англия». Среди подписавших протест была и Фатма. Директор решил исключить авторов письма из школы, но тогда все ученицы заявили, что они тоже уйдут с подругами...

Это была первая женская

забастовка, организованная Фатмой Ибрагим, и первая ее победа.

К политической жизни Фатму приобщил брат. Он приносил домой книжки, которые она читала не отрываясь. А однажды брат пригласил ее на подпольное собрание, и тогда Фатма узнала, что он член Коммунистической партии Судана.

Студенткой Хартумского университета Фатма подала заявление в партию. Это был ответственный и смелый шаг: в то время в Судане за принадлежность к компартии людей без суда и следствия бросали в тюрьму. Фатма стала первой суданской женщиной-коммунисткой. Впрочем, рассказывая о ней, приходится часто пользоваться словом «первая». Она организовала первый в стране женский Союз и стала его председателем; стала первым издателем и редактором первого журнала для женщин. Она была и первой женщиной-суданкой, избранной депутатом парламента.

Порой приходилось трудно. Обстановка в стране менялась: верх брали то демократы, то правые, реакционные силы. Было время, когда за ней и ее мужем, председателем Федерации профсоюзов Судана, устанавливали полицейскую слежку. Им обоим постоянно угрожал арест, убийство из-за угла.

Но и в самые тревожные политические времена Фатма не оставляла главного дела, которому отдала много сил, — борьбы за раскрепощение суданской женщины.

Сейчас Фатма — опытный политический деятель. Она по-прежнему возглавляет Союз женщин Судана, по-прежнему редактирует журнал «Голос женщин».



ИНДИЯ

РЕНУ
ЧАКРОВАРТИ

Это имя часто мелькает на страницах индийских газет, в парламентских отчетах, в передачах радио и телевидения. Ее можно видеть и во главе демонстрации индийских женщин против роста цен, за повышение зарплат, за принятие прогрессивных законов, улучшающих положение женщины в обществе, и среди участниц сидячей забастовки перед зданием посольства США в Дели, выражающих таким образом протест американской агрессии во Вьетнаме...

Рену Чакраварти начала свою деятельность в годы борьбы индийского народа против британских колонизаторов. После первых в независимой Индии парламентских выборов она много лет

была членом индийского парламента, заместителем председателя парламентской группы депутатов-коммунистов. В феврале 1969 года, на дополнительных выборах в крупнейшем промышленном штате Индии — Западной Бенгалии Рену избрана членом Законодательной ассамблеи штата и назначена министром социальных дел и кооперативов.

Рену Чакраварти активно участвовала в создании Национальной федерации индийских женщин — самой массовой демократической женской организации страны. Она — генеральный секретарь этой Федерации.

Советские женщины встречались с Рену Чакраварти на Всемирном конгрессе женщин в Москве в июле 1963 года. В ноябре 1967 года Рену снова побывала в Советском Союзе на праздновании 50-й годовщины Октября. В те дни ее пригласили к себе в гости работницы московской кондитерской фабрики «Рот-Фронт». Рену выступила перед ними с горячей речью.

— Революция в России, — сказала она, — озарила ярким светом путь к свободе трудящихся всего мира. Народ Индии питает чувства безграничного уважения к советскому народу и радуется всем вашим успехам. Индийские женщины берут пример со своих советских сестер, внимательно изучают их опыт. Женщины Индии гордятся тем, что вместе с вами борются за мир, за счастье детей всей планеты.



ГВИНЕЯ

ЖАН МАРТЕН СИССЕ

На одной из международных встреч Эжени Коттон, залюбовавшись Сиссе, сказала ей: «Не меняйтесь, Жан, оставайтесь всегда такой же стремительной, такой же молодой, как страны вашего континента».

Восемь лет назад женщины африканских стран послали в Дар-эс-Салам своих представительниц на первый конгресс, где была создана федерация женских организаций стран Африки — Всеафриканская конференция женщин. Среди тех, кто создавал эту орга-

низацию, была общественная деятельница Гвинейской республики, мать шестерых детей Жан Мартен Сиссе. Ее избрали генеральным секретарем Конференции, которая объединила женщин 31 страны.

С тех пор без устали, не страшась никаких трудностей, Жан Мартен Сиссе борется за сближение всех африканских женщин во имя новой, свободной Африки. В том, что за время своего существования Всеафриканская конференция получила признание и в Африке и среди национальных женских организаций других стран, большая личная заслуга Жан.

Работой во Всеафриканской конференции не ограничивается общественная деятельность Сиссе. В числе 75 других женщин она избрана депутатом Национального собрания Гвинеи и возглавляет Национальный совет гвинейских женщин.

Жан Мартен Сиссе достойно представляет женщин Африки на различных международных форумах. Она участвует в работе Комиссии ООН по положению женщин, в разработке рекомендаций по правам женщин, в том числе Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятой два года назад Генеральной Ассамблеей ООН.

Работает Сиссе много и неутомимо. И в этом смысле она следует завету Эжени Коттон — не меняется.

Вспоминают

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина готовится к печати сборник воспоминаний питерцев «Об Ильиче». Сборник подготовлен Институтом истории партии Ленинградского обкома КПСС и будет выпущен в свет Лениздатом.

В сборнике шесть разделов, около 150 воспоминаний. Они охватывают тридцать лет жизни Ленина — от его приезда в Петербург в 1893 году.

Большинство воспоминаний, помещенных в сборнике, уже печаталось раньше, но многие взяты из малоизвестных публикаций 20-х и 30-х годов, с некоторыми мемуарами читатели познакомятся впервые.

Мы печатаем здесь вос-

поминания двух авторов.

Феодосия Петровна КАСЕССИНОВА (1888 — 1956) — член партии с 1905 года. Во время первой русской революции она работала в Петербурге в боевой технической группе при ЦК РСДРП, была хозяйкой конспиративной квартиры ЦК в Териоках (ныне Зеленогорск). Она участница Октябрьской революции и гражданской войны. Воспоминания Феодосии Петровны Кассесиновой опубликованы впервые.

Воспоминания Людмилы Николаевны СТАЛЬ (1872—1939 гг.) взяты из публикации 1934 года. Л. Н. Сталь — член партии с 1897 года, профессиональная революционерка. Во многих письмах Владимира Ильича

мы найдем его слова, обращенные к «Людмиле», «Люде». Впервые она встретила с В. И. Лениным в ноябре 1905 года, когда, будучи членом Петербургского комитета, активно работала в Военной организации РСДРП. После Февральской революции — агитатор и организатор Петербургского комитета партии, с августа 1917 года — член Кронштадтского комитета и редактор большевистской газеты «Пролетарское дело». Активная участница Октябрьской социалистической революции.

Публикацию для нашего журнала подготовила научный сотрудник Ленинградского института истории партии Е. А. СУЛТАНОВА.

У ЛЕНИНА

Ф. П. КАСЕССИНОВА

Первый раз я увидела Владимира Ильича в 1906 году в помещении курсов Лесгафта, преобразованных тогда в «Высшую вольную школу». Это, кажется, было единственное высшее учебное заведение, для поступления в которое не требовалось свидетельства о политической благонадежности.

Слушателями были в основном сельские учителя и учительницы, тесно связанные с крестьянством и в большинстве своем близкие по духу к эсерам.

В начале 1906 года меньшевики организовали для слушателей «Вольной школы» доклад Дана¹ «Аграрный вопрос». В качестве оппонентов эсеры выставили Чернова, а народные социалисты — Пешехонова.

Студенты-большевики обратились в Петербургский комитет с просьбой прислать оппонента Дану, так как на свои силы не надеялись. Комитет докладчика не дал, полагая, что наши товарищи сами, мол, справятся даже с такими «китами», как Дан, Чернов и Пешехонов.

Не знаю, как Владимир Ильич узнал о докладе Дана, но он посмотрел на это совершенно иначе и, никем не ожидаемый и не замеченный, пришел в аудиторию.

После длинного доклада Дана, сочувственно воспринятого большей частью аудитории, выяснилось, что официальные оппоненты Дана — Чернов и Пешехонов — опоздали, и слова попросил Владимир Ильич.

В своем горячем выступлении Ленин разбил Дана. К этому времени подошли Чернов и Пешехонов. Владимир Ильич, продолжая свое выступление, обрушился на эсеров и народных социалистов.

Потом на кафедру вышел Чернов. Он неплохо знал аудиторию и рассчитывал на

полное ее сочувствие. Велико же было его разочарование, когда из зала на него начали шикать, кричать... Чернову так и не удалось закончить свою речь. А Пешехонов вообще не решился выступить.

...Однажды, в конце 1906 года, мне поручили съездить к Ленину за статьей для газеты «Пролетарий». Владимир Ильич с Надеждой Константиновной в то время жили на даче «Ваза» в Куоккала.

Перед отъездом мне дали пароль и особенно предупредили о необходимости быть очень осторожной, чтобы не привести на дачу шпика.

Товарищ, который меня направил, сказал, чтобы в случае, если никого не будет дома, я не кружилась по улицам около дачи, а зашла в сени и там ожидала прихода Владимира Ильича.

Подходя к даче, я издала увидела, что Надежда Константиновна, которую я до этого часто встречала и хорошо знала, вышла из дома с мужчиной. Я поняла, что этот мужчина — Владимир Ильич и что они пошли на прогулку. Руководствуясь данным мне наказом, я вошла в сени, чтобы здесь дожидаться их возвращения. Только я вошла, слышу чьи-то шаги по снегу. Затем эти же шаги — по ступенькам крыльца. В щель я увидела какого-то мужчину. Бежать было некуда. Быстро оглядевшись в полутемных сенцах, я увидела открытый, наполовину пустой ящик с дровами. Я прыгнула в ящик, закрыла крышку и улеглась на дрова. Мужчина вошел, постоял некоторое время и начал шагать по маленьким сенцам, очевидно, тоже ожидая хозяйню.

На улице был довольно сильный мороз, и мужчина, желая согреться, шагал и шагал по сеним. Хотя я и догадывалась, что вероятней всего это кто-то из своих пришел к Владимиру Ильичу, но все же боялась пошевеливаться: а вдруг шпик! Не помню, сколько времени я неподвижно пролежала в своей засаде. На мне был короткий драповый жакет, и я чувствовала, что замерзаю.

Наконец возвратились Надежда Константиновна и Владимир Ильич. Они дружелюбно поздоровались с мужчиной, находившим-

ся в сенях, и начали отпирать двери, оживленно разговаривая. Я хотела подняться, но руки и ноги так застыли, что вылезти из ящика я была уже не в состоянии и смогла только тихо окликнуть Надежду Константиновну... Она меня сразу узнала. Следом за ней к ящику подошли Владимир Ильич и так перепугавший меня человек, оказавшийся товарищем Лядовым.

Владимир Ильич и Лядов извлекли меня из ящика и на руках внесли в комнату. Первым делом я начала говорить о поручении. Владимир Ильич меня прервал: «Вы сначала согрейтесь!» Надежда Константиновна помогла мне раздеться и стала растирать руки, а Владимир Ильич прошел в кухню, разжег примус и поставил чайник. Пока со мной возились Надежда Константиновна и Лядов, Владимир Ильич зашел в свой маленький кабинетик и сел дописывать уже начатую статью. По временам оттуда раздавался его голос: «Как себя чувствует товарищ?» Надежда Константиновна и Лядов отпаивали меня чаем.

Дописав статью, Владимир Ильич вышел из своего кабинетика, посмотрел на меня испытующе и решил, что со статьей в Питер придется ехать или Лядову, или Надежде Константиновне. Мне стоило большого труда убедить Владимира Ильича, что чувствую я себя совершенно здоровой и могу ехать.

Потом мне уже довольно часто приходилось ездить к Ленину на эту небольшую дачу под зеленой крышей.

Будучи сильно перегруженным партийной работой, Владимир Ильич очень внимательно следил за судьбой всех товарищей, и, пожалуй, лучше его никто не знал, кто, когда арестован, кто, когда и где судился, на сколько осужден, когда, кого отправляют на каторгу или в ссылку.

Весной 1907 года Владимир Ильич узнал, что у одного большого товарища, отправляемого из пересыльной тюрьмы, нет постели. В это время я приехала к нему с каким-то поручением. Первым делом Владимир Ильич занялся тем, чтоб подготовить и отправить со мной для передачи товарищу в пересыльную тюрьму кое-какие постельные принадлежности.

Осенью 1907 года я была хозяйкой конспиративной квартиры ЦК большевиков в Териоках. Часто встречаясь с Лениным, я всегда поражалась его способности изменять свою внешность. Однажды произошел такой случай. На очередное заседание ЦК явился новый для меня человек. Сказав пароль и поздоровавшись со мной, как со старой знакомой, он прошел в комнату, где собирались товарищи. Через некоторое время пришла Надежда Константиновна. Она спросила, приехал ли Ильич. Я ответила, что его еще нет, и с некоторой тревогой сообщила ей, что появился какой-то товарищ, которого я не знаю, но пароль он произнес без малейшей запинки.

Надежда Константиновна вошла в комнату, а я осталась в сенях ожидать Владимира Ильича. Вдруг из комнаты послышался дружный веселый смех, и меня позвали туда. Войдя, я, к величайшему своему удивлению, увидела Ильича на его обычном месте. Он оказался тем самым «незнакомцем».

В ноябре 1907 года я должна была оставить квартиру ЦК и перейти на нелегальное положение.

¹ Ф. И. Дан — один из лидеров меньшевиков.

питерцы



В. И. ЛЕНИН.

Рис. И. Ильинского.

ВОЖДЬ ОКТЯБРЯ

Л. Н. СТАЛЬ

...Когда в грозные дни Октября решался вопрос о составе правительства, Зиновьев и Каменев опять покачнулись вправо. Они выступили против линии ЦК партии, против ленинских установок. Ленин отвечал им и всем тем, кто изменял революционному марксизму в решительный момент:

— Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, нельзя победить в пролетарской революции, нельзя отстоять ее.

И рабочий класс целиком поддержал Ленина в его борьбе с оппортунизмом.

В Питере в это время собралась Первая женская конференция. Прибыли делегаты от предприятий Питера, Кронштадта, Колпина, Сестрорецка и других ближайших местностей — всего 600 делегатов. Эти делегатки поняли, к чему их звала партия и Ленин. Они решили поддержать Ленина.

Я была избрана вместе с другими для поездки в Смольный.

Было 12 часов ночи. Темная, осенняя ночь, костры у Смольного, вокруг костров вооруженные пулеметами рабочие, красногвардейцы и матросы. По длинным, темным коридорам прошла наша делегация через небольшую дверь, охраняемую красногвардейцами, в маленькую комнату.

Вышел к нам Ленин. Все сели за белый деревянный стол. Ленин выглядел очень усталым. Лицо его было бледно, глаза красны от работы и бессонницы. Столько забот свалилось на его плечи! Приходилось строить новое рабочее государство, укреплять диктатуру пролетариата, обороняться направо и налево от многочисленных врагов.

Посмотрел он на делегаток, и глаза его как будто спрашивали с упреком:

— Ну, какую еще новую неприятность вы мне принесли?

Но когда тов. Клавдия Николаева передала приветствие Совету Народных Комиссаров от имени 80 тысяч работниц, пославших делегаток на эту первую петроградскую конференцию, и обещала их поддержку, лицо Владимира Ильича озарилось улыбкой, как будто солнечный луч прорезал тучи. Он весь преобразился и ласково сказал:

— Если работники обещают нам поддержку в борьбе за власть Советов, то никакой враг нам не страшен. Прочность революции зависит от того, насколько в ней участвует женщина.

Ленин учил рабочий класс, учил большевизму миллионы на опыте их борьбы, убеждал и отдельных товарищей, не жалея на это ни времени, ни сил.

Еще пример из той поры, когда Октябрьская революция победила.

В январе 1918 года мы готовились к созыву Учредительного собрания. В начале революции, критикуя Временное правительство, большевики говорили, что оно обманывает народ, что оно не дает ни земли, ни мира и не созывает Учредительного собрания. Когда власть перешла к Советам и все кардинальные вопросы революции были решены, созыв Учредительного собрания многим казался излишним.

Я работала тогда в Кронштадте. Кронштадт еще перед июлем 1917 года объявил себя Республикой Советов: фактически там была Советская власть, и в Кронштадте, конечно, смеялись: зачем нам нужно Учредительное собрание?

Приехала я к Владимиру Ильичу и говорю:

— Некоторые кронштадтцы высказываются против выборов в Учредительное собрание.

Он был очень поражен и стал мне доказывать:

— Мы-то это понимаем, а массы разве поняли? Нет, они этого еще не поняли, в особенности не понимает крестьянство. Мы должны это Учредительное собрание созвать, чтобы показать на примере, на деле крестьянству, что оно так же, как и Временное правительство, не захочет дать ни мира, ни земли, ни воли, которые нужны крестьянству и всему рабочему классу.

Когда приходилось потом обращаться к Владимиру Ильичу по целому ряду вопросов нашей партийной и советской работы, то каждый раз меня поражала та необыкновенная быстрота, с какой он схватывал суть вопроса, буквально в одну секунду, и часто делалось неловко, потому что оказывалось, что, придя к нему с каким-нибудь вопросом, я мало с ним ознакомилась сама, не знала деталей дела.

Подмечать всякую мелочь и уметь схватывать на лету — это была одна из замечательных черт Владимира Ильича.

Когда мы теперь строим социализм, мы не должны забывать, как много внимания мелочам уделял Владимир Ильич, как он наряду с важнейшим «звеном» умел учитывать все обстоятельства, хотя бы и самые незаметные, как умел выделить и остановить внимание на самом главном.

КРАЙ ЛЕГЕНД-ЖИГУЛИ

Хороша Волга на всем необозримом пути своем от истоков до Каспия. Но нет для нее более достойного обрамления, чем выси Жигулей. Непрístupные кручи до наших дней сберегли здесь первозданную красоту русских лесов. Не только сумрак векового бора манит сюда любителей природы. Речное раздолье и серебристое мерцание новыла на курганах, морские шири и задумчивые озера под сенью плакучих ив, синие горы с громадами замшелых камней по ущельям и золотые песчаные пляжи — все счастливо сочетается здесь, в краю с напевным названием Жигули.

У вершины единственного на Волге горного хребта по сей день находят останки древних морских животных — окаменелые кораллы, морские лилии, раковины вымерших моллюсков. Да, в глубокой древности здесь плескалось теплое море. Но остывающая планета взломала стиснувший ее каменный панцирь и вздыбила дно морское в поднебесье.

Ледник не коснулся Жигулей своим мертвящим дыханием. Именно поэтому здесь можно встретить растения, произраставшие на земле еще в доледниковую эпоху. В луговом разнотравье прячется астрагал цингера, пырей инееватый, тонконог жестколистный, жигулевский чабрец. И, конечно, все эти зеленые пришельцы из далекого прошлого не ведают о своей исключительности, не подозревают о том, что их не встретить больше нигде на земном шаре.

А кто не слышал о знаменитой жигулевской кругосветке? Где еще можно проплыть более двухсот километров по течению и оказаться снова в том же месте, откуда вы стартовали? Стоит только переправить у Переломок свое суденышко через полоторакилометровый перешеек из Волги в Усу.

За чудо следует благодарить Самарскую луку. У Молодецкого кургана Волга вдруг резко сворачивает на восток, опоясывая Жигули гигантской голубой лентой.

Ныне в подножии кургана бьются волны новорожденного моря. Тому, кто одолеет подъем до вершины, откроется безграничный простор и даруется ощущение полета.

На утренней заре после прохладной летней ночи море прячется под пологом сизого тумана, и тогда лесистая шапка кургана словно нежится на пышно взбитом пуху облаков. Розовые хлопья льнут к каменным утесам, пеленают кроны сосны, что простерла над бездной зеленые крылья ветвей, будто собралась в полет. Облачный покров внизу плавно колыхается, то вспухая, то оседая к воде. Временами из дымчатой глубины с криками взмывают всполошенные чайки и снова, заламывая крылья, падают в жемчужно-серую мглу... А на горах солнечно, ясно, росисто. Весь лес насизво пронизан птичьими трелями.

Поднимаясь все выше, туман перераливает через каменные уступы кургана и полупрозрачным дымком течет между сосен.

— Закурилась опять трубка атамана! — говорит местные рыбаки.

По преданию, любил сиживать на вершине Молодецкого кургана Степан Разин. Когда же пришлось отступить ему под натиском царских стрельцов, зарыл атаман отделанную золотом трубку свою под заговоренным камнем и завет оставил: кто из потомков найдет ее — пусть продолжит ратное дело славной волиницы.

Грозен и величав Молодецкий курган в ненастье под трепетным пологом молний, когда громовые раскаты, размноженные эхом, шало мечутся в его расщелинах. Трубно гудят под ветром вековые сосны, и гнутся до земли, размахивая зелеными косами, березы.

Здесь ли не родиться легендам?
Вот одна из них.

ЛЕГЕНДА О КАМЕННОМ МОЛОДЦЕ

Своенравна, как все красавицы, горда и вольнолюбива Волга. Всем, казалось бы, взял и Молодец: ростом не обижен — зе-

леная шапка его до самого неба дотянулась и силушкой не обойден — сколько бурь ни проносилось над ним, выстоял, сколько молний ни обжигало его каменную грудь, все окалиной к ногам ссыпались. А уж о верности и говорить нечего — от зари до зари готов был глядеться Молодец в светлые очи Волги.

Но не люб он был красавице. Уж больно молчалив: веками словечка не обронит. Да и на подъем тяжел: столетиями стоит, не шелохнется.

То ли дело седовласый Каспий! И мудр, и велеречив, и нравом не по возрасту пылок. Лишь ветром жарким пахнет на него пустыня, тотчас заколышется, забурлит, разгуляется — ни одному молодцу с ним тогда не сравниться. Седыми космами по тучам хлестнет, и на сотни верст содрогаются берега от гула, грохота и клокотания.

Плывут ли над Волгой пушистые облака, звезды ль в бездонье ее вод смотрятся — все грезит красавица о встрече с могучим Каспием.

И решилась однажды Волга: кинулась навстречу Каспию через леса и долины. Увидел это могучий Молодец и, объятый ревнивой яростью, двинулся наперерез красавице с верной своею дружиною. Тяжко пришлось Молодцу, за века крепко прирос он к месту. Шаг ступит — скалы с плеч рушатся, еще раз переступит — земля окрест трещинами идет, холмами высборется.

И все же успел детинушка: преградил он дорогу красавице каменной своей грудью. Разбурлилась, вспенилась Волга, но видит — не пробиться ей силушкой, не вырваться из полона. Приласкалась тогда обманщица к великану, речами, сладко журчащими, усыпила его со дружиною и кошачьей, неслышной поступью, круто обогнав спящих, убежала-таки к далекому Каспию.

...Много веков минуло с той поры. Обратился в Молодецкий курган крепко уснувший Молодец, лесом поросла его очарованная дружина. Вечен сон их, овеянный немолчным и ласковым журчаньем Волги.

Так вот и появились на свет Жигули...

При ясной погоде с вершины Молодецкого кургана можно разглядеть Ульяновск — родину Ильича. По другую сторону — это уже совсем явственно и близко — белеет плотина Жигулевской ГЭС имени Ленина. В любую пору за шелестом листьев удаётся выделить ровный космогонический гул. То не рев подземного дракона: стальные исполины сотрясают древние горы. Ежесекундно тысячи тонн воды проваливаются в бетонную пещеру под станцией, чтобы превратиться в электрические реки и умчаться по проводам в Москву, Куйбышев, на Урал.

...А старожилы еще помнят иные времена. Не успели обкататься в гальку те камни, по которым ступали изодранные лапти бурлаков. Не так уж давно эхо Жигулей возвращало реке горькую песню:

Волга, моя матушка, русская река,
Пожалей, родимая, силы бурлака.
Эх, устали ноженки, ляжка тянет грудь,
Прикажи, родимая, ветерку подуть.

Но слыхивала Волга и другое: тревожный звон набатного колокола, треск и гудение огня над горящими гнездами дворян и грозное «Сарын на кичку!».

Даже в названиях гор и селений отплатовалась память о днях волжской волиницы: села Отважное, Богатырь, Стрельная

гора, утес Шелудяк. Высокий и гордый утес, где из каменной чаши бьет хрустальный родник, назван именем этого лихогоратника Стеньки. О нем тоже сложены легенды.

ПАМЯТЬ КАМНЯ

Давным-давно смыли дожди кровь поверженной волиницы, звери и воронье растаскали кости погибших, а древний утес и поныне помнит тот день, будто это было вчера.

Здесь, у самого края пропасти, стоял верный сподвижник Разина — Федор Шелудяк, и на эту каменную плиту стекала из расщепленного виска алая кровь атамана. Звенящий, высотный ветер раздувал белые паруса облаков, плывущих над Волгой.

Не от потери крови — от буйного похвиста ветра кружилась голова атамана. Не от ярких кафтанов наседавших отовсюду врагов рябило в глазах, а от вихревой пляски взбудораженных ветром осонокорей.

Тревожно метался у подножия утеса пламень костра, и мелко трепетали в предвидении страшных мучений, ожидающих Федора, стоящие рядом сосны. Но твердо знал Шелудяк: живым он не сдастся врагу, не склонит головы перед царскими сатрапами. А медлил он над пропастью лишь оттого, что несказанно сладкими были последние мгновения свободы, бесценны глотки вольного, хмельного воздуха.

Дважды удавалось ему вырваться из, казалось, накрепко затанутой петли. Удастся ли в третий?

«Ах, если бы уцелела верная сабля из синей дамасской стали!» — подумал Шелудяк и, последним богатырским усилием разорвав петлю, кинулся вниз, навстречу дикому похвисту ветра. Стоглавая вражья орда, собравшаяся под утесом, ликующим ревом приветствовала гибель атамана.

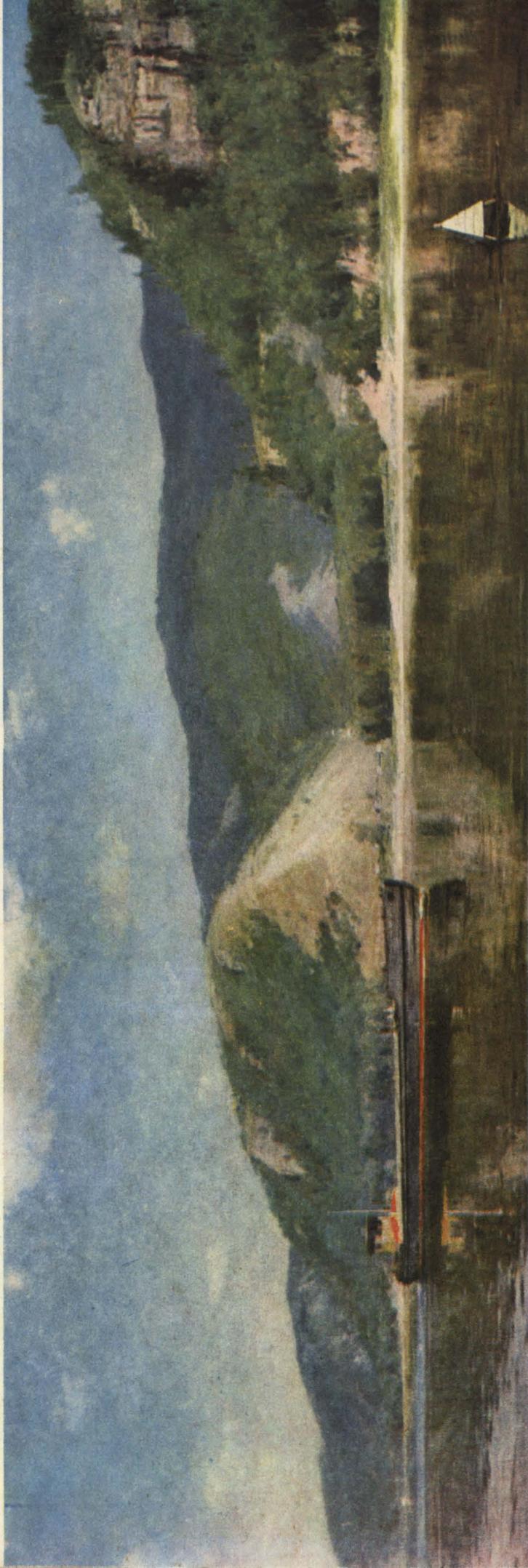
Только рано возликовали враги: вдруг беззвучно раздвинулся камень и, бережно приняв смельчака в свои прохладные недра, тотчас снова сомкнулся перед скованными ужасом стрельцами.

Спасла удалыца Хозяйка Каменных Гор. Но ненадолго. Без солнца, без воли, без певучих ветров по-над Волгой стал чахнуть атаман. Не тешили его ни ласки Хозяйки, ни блестящая роскошь ее подземных палат, ни обилие редкостных яств. День ото дня стыла кровь молодца, вбирая извечный холод камня. Так и погиб он за толщей каменных глыб в страстной тоске по друзьям и горячему солнцу.

С той поры неутешна Хозяйка. До сих пор можно видеть, как, позванивая, стекают в Каменную Чашу ее горькие, прозрачные слезы.

Помрачнел с годами и утес, что носит имя атамана. Особенно тяжело вздыхает он, шелестя жухлой травой, в безлунные осенние ночи. Видно, и камню горька память о жестокой судьбине героя.

Много и других легенд нашептала людям красавица Волга, ластясь к древним каменным Жигулям. Не одну и не две услышит от волгарей тот, кто решит отправиться в путешествие по этим чудесным местам.



Николай ЯКУШЕВ

У ВОЛГИ

Видно, все мы
с Волги или с Тускари,
с Дона или с Северной Двины
в наши реки,
медленные, русские,
до сердечной боли влюблены.

А. ГРИЦАЙ. ЖИГУЛИ.

Перекаты,
плесы, да излучины
да лесов заречный оком
до малейшей черточки
изучены
в вечном откровении своем.
Дождевые,
звонкие иголки,
торопясь, летят наискосок.
Я сойду с обрыва
прямо к Волге
на дождем исколотый песок.

Так бывает,
если что случится,
если невезенья полоса,
чтоб ее поддержкой заручиться,
прихожу сюда на полчаса.
И она,
полна целебной грусти,
эта чисто русская вода,
никогда
несчастливым не отпустит
и жестокосердным — никогда.

Я всегда
немного опечален
слепотой напыщенных людей,
что живут,
совсем не замечая
родственной сердечности твоей.
Взглядами солидными
и тусклыми
провожают медленно зарю...
Реки наши,
солнечные, русские,
я о вас с любовью говорю.



«По зову сердца взяла перо я в руку... И вот они, первые робкие строки, словно первые шаги ребенка». Так писала в одном из ранних своих стихотворений молодая узбекская поэтесса Гульчехра Нуруллаева.

Она родилась в живописном кишлаке Чаштепа под Ташкентом.

Должно быть, близость к природе и породила в молодой поэтессе склонность к мечтательному раздумью. Ее лирика всегда богата мыслью.

Писать стихи Гульчехра начала рано, но не сразу поняла, что это и есть истинное ее призвание. В седьмом классе, например, она была уверена, что станет математиком. Впрочем, в этом нет противоречия: способности к точным наукам прекрасно сочетаются с поэтическими. Но любовь к поэзии перевесила увлечение математикой. Когда восемнадцатилетняя Гульчехра увидела в газете «Ташкентская правда» свое первое напечатанное стихотворение, ее путь определился навсегда.

В 1964 году издательство ЦК комсомола Узбекистана выпустило сборник стихов, объединивший творчество трех молодых поэтесс; в их числе была Гульчехра Нуруллаева. А спустя год вышел ее собственный сборник «Солнце смеется». Немало потрудились молодая поэтесса в редакции женского журнала «Саодат», которым бесменно руководит известная узбекская поэтесса Зульфия.

Сейчас Гульчехра заканчивает Высшие литературные курсы в Москве. По ее признанию, курсы дали ей очень много: шире стал круг ее тем, глубже и точнее образы... А может, это просто приходит зрелость.

Лидия БАТЬ

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ГУЛЬЧЕХРА!



Гульчехра НУРУЛЛАЕВА

МЕЧТЫ

День изо дня, с утра и до заката,
В пещерном холоде, в бездонной мгле
О чем мечтала женщина когда-то?
Чтобы поеть и выспаться в тепле.

Чего хотела девушка, не смея
На срок короткий из дому уйти?
Свободы... Но обычай был сильнее,
И девушка томилась взаперти.

О чем она в замужестве мечтала?
Чтоб человеком быть, а не рабой.
Но, как раба, тревожно и устало
Жила она, гонимая судьбой.

О чем Ширин, о чем Лейли просили?
О встрече с милым в голубой ночи.
Но гнула страсть, сложив бессильно
крылья,
Как мотылек над пламенем свечи.

Что Надире-бегим упрямо снилось?
Жизнь без печали, молодость в цвету.
Она мечтою с песней поделилась —
И жизнью заплатила за мечту.

Что бабушка моя свершить хотела?
Без паранджи по улице пройти.
Но смертью ей грозя, остервенело
Толпа пред нею встала на пути...

А что же я? Чем сердце беспокою?
Куда иду в сквозном сиянье дня?
Все, что другим лишь грезилось порою,
Привычной былью стало для меня.

Но мало мне мечты обыкновенной,
Мне к звездам устремиться по плечу.
Не с кем-нибудь, а с целою Вселенной
Я поделиться радостью хочу.

На вкладке:
В. БУРМАКИН (Ташкент).
БАЙСУНСКАЯ МАДОННА.

Так быть должно! Завидуй этой доле,—
Когда эпоха позовет в полет,
Твоя мечта, несмелая дотоле,
Светло и дерзко крылья обретет!

* * *

Нет, не по мне грустить в потемках
серых!
Ты слышишь, милый,— разведем костер,
Пусть просветлеет невеселый берег
И тишина, спустившаяся с гор.
Мне хочется сидеть с тобою рядом,
Чтоб видеть искры этих близких глаз,
Чтоб нежность их искристым водопадом
В мои глаза томительно лилась.
Не надо слов. Что выскажешь словами?
Давай молчать, мечтой тревожа взор,
И пусть один — как сердце — между
нами

Горит и бьется на ветру костер.



МОЙ ДОМ

Четыре комнаты в моем дому,
Два тополька над тропкою короткой,
И тихий сад в сиреновом дыму,
И двор с тесовою перегородкой.
Стоит перед глазами этот дом,
Когда брожу по улицам знакомым,
Но окажусь я в городе другом —
И весь Ташкент своим считаю домом.
Когда же я в чужой гощу стране,
Мне видится —
От Риги до Чукотки —
Мой дом, мой сад, туманный по весне,
Мой двор с тесовою перегородкой.

ДОЖДЬ

Над землей прозрачный теплый
дождь,
Голубой, прозрачный теплый дождь,
Сердце открываю, не таясь,
Пред тобой, прозрачный теплый дождь.
Я косынку с головы сниму
И, смеясь, лицо тебе отдам.
Пусть ударят капли по нему,
Поплывут неслышно по щекам.
Дождь идет. И ты со мной идешь,
Милый мой,
И улыцы тихи.
Льется радость, как весенний дождь,
Дарит мне певучие стихи.
Постоим, коль хочешь, под дождем,
А промокнем — ну так что с того?
Ты и дождь. Сегодня мы втроем,
И не надо больше никого.

Вновь и вновь — прозрачный теплый
дождь;
Как любовь — прозрачный теплый
дождь...

* * *

Ты словно цветок на скале пустынной,
А ветер свистит, траву теребя.
Ты словно цветок на скале пустынной,
И ветер раскачивает тебя.
И страх мой внезапный подобен ожогу,
Когда, одинокий, ты вздрогнешь тайком.
Ах, если б могла я прийти на подмогу,
И ветру глаза засыпать песком,
И небо с рассвета зажечь бирюзово,
И, встав у студеных ветров на пути,
От ревности горькой
И глаза дурного
Тебя, беззащитного, упали!
Но ты высоко —
На краю обрыва,
К тебе не пройти по отвесной тропе.
И я, не умевшая быть терпеливой,
Сегодня терпенья желаю тебе.

Ты словно цветок на скале пустынной...

Перевел с узбекского
Я. Серпин.

Познакомившись с Лидией Степановной Никоновой, я не могу отделаться от ощущения, что жизнь ее и двадцать три года работы на одном заводе в одном цехе конкретно и ясно отражают то сложное явление, которое мы сегодня называем научно-техническим прогрессом. (Если, конечно, говорить о том заводе, где она работает.) Не потому, что она какой-то особенный «научный» и «технический» человек. Хотя действительно Никонова заметный инженер на Ковровском экскаваторном заводе: она — заслуженный рационализатор РСФСР. Но все-таки не поэтому. А потому, что вместе с заводом изменялись ее жизнь и работа. И потому, что она сама вместе с товарищами изменяла завод. Эти стороны, эти «потому» нерасторжимы.

21 апреля 1931 года из ворот завода вышел первый советский экскаватор «Ковровец» на железнодорожном ходу. Да, как паровоз, он двигался по рельсам. Такой именно экскаватор описан Маршаком:

Вот экскаватор паровой.
Он роет землю головой.
И тучей носятся над ним
Огонь и пар и пыль и дым...

Оттуда, из тех дней, трудно, невозможно было представить сегодняшнюю гордость ковровцев: компактный, по-своему изящный тяжеловатый, плавной грацией сильного существа — экскаватор Э-652Б. Эта машина отмечена знаком качества, знаком, удостоверяющим добросовестность и точность работы всех ее создателей.

Что сделала для нее Никонова?

Начальник сталцефа Петр Ильич Королев предельно коротко и как-то обыденно сказал об этом: «Улучшила качество литья. А в результате повысилось качество всей машины. Уменьшилась себестоимость литья. Сравните: на других заводах тонна его стоит 270—300 рублей, у нас — 182 рубля».

* * *

Гудит, гремит, грохочет, сыплет искры сталцеф — фундамент, основа завода.

В песке, в земле, как хлеб наш насущный, рождаются, формируются стальные детали — будущее тело экскаватора, его «руки», его «ноги», его плоть.

В большом ящике отформовано, выдавлено в песчаной смеси «ложе» детали.

Над формой склоняется человек. Оглаживает небольшой гладилкой углубления и выступы, углы и закругления песчаной чаши, укладывает стержни, тоже из песка, и распорки из металла.

Когда в форму зальют металл, он расплавит эти распорочки, зальет пустоты между стержнями и образует само тело детали. А там, где были песчаные стержни, появятся пустоты: желоба, выемки, углубления.

Но это еще впереди. А пока над песчаной чашей рядом с формовщиком склонилась небольшая, даже хрупкая, женщина в синем халате. То посмотрит в лист с тонкой путаницей чертежа и что-то скажет рабочему, что-то очень короткое, и он согласно кивнет, переменит положение стержня

или возьмет новый. То сама прикинет длину стержня.

...Уже более 86 процентов стальных деталей отливаются в цехе прогрессивными методами: это кокильное, центробежное литье. Вручную формуют или очень крупные, или сложные, уникальные детали. Этим и занимается инженер-технолог на участке ручной формовки Л. С. Никонова. И не случайно именно она — хотя на ее участке вроде бы и недоступна механизация — возглавляет работу рационализаторов всего цеха. Ручная-то она ручная, эта формовка, но требует постоянной работы мысли.

Сущность рационализаторства не изменилась, видимо, с тех давних пор, когда оно только возникло: взаимодействуют человек и машина.

Как бы ни была сложна машина и гениален ее изобретатель, но человек, работающий на ней, приспособившая ее к своим рукам, находит в ней непременно что-то, что можно изменить к лучшему.

Масса механизмов и машин в сталцефе. Под потолком плавно скользят кабины кранов, под полом бежит лента транспортера, вывозящего отработанную пережженную землю. Управляют всеми этими механизмами люди.

И вот что-то мешает, замедляет работу. И человек начинает думать: «Что изменить?». Голова спешит помочь рукам.

Человек думает: «Вот если бы...» Потом следует: «А как?» Иногда этот вопрос рождает идею, иногда повисает без ответа.

Когда смутная идея не в силах прорезаться, когда мысль мучает, но не хватает то ли знаний, то ли опыта и умения, очень нужен человек, к которому можно обратиться за помощью.

Конечно, может помочь инженер или мастер. Так часто и бывает. Но есть на наших заводах — в цехах и отделах — люди, добровольно берущие на себя обязанность помогать товарищам в поиске и внедрении новых идей, предложений.

Лидия Степановна Никонова — организатор рационализаторов в своем цехе. На ковровском заводе для краткости говорят: рацорг. Слово не очень музыкально на слух, но к нему здесь все привыкли так же, как, скажем, к слову культорг.

За год в цехе регистрируют 70—80 новшеств и приспособлений. Три четверти их авторов — рабочие. Вокруг рацорга сложилась испытанная группа рационализаторов — Ю. И. Жаднов, П. П. Хромов, В. П. Вижайкин, рабочие высокой квалификации, опора всякого нового поиска. Экономия от рацпредложений выражается в тысячах рублей. Первый квартал 1969 года дал цеху около пяти тысяч. И все предложения — их было шестнадцать — от рождения до внедрения прошли через руки и голову рацорганизатора.

К Никоновой идут со своими мыслями люди с разных участков цеха не только потому, что у нее такая общественная должность. Скорей тут действует обратная связь: у нее такая общественная должность, потому что очень уж располагает к ней ее собственная работа, склад ее ума и характера.

Я не забуду вдохновения, с которым она говорила: «В моем деле не может быть привычки, потому что нет однообразия. Каждый раз что-то новое. Берешь чертеж будущей детали. А мне нужно увидеть даже не ее саму, а как бы ее негатив, ее обратное изображение, — ведь такой должна быть форма, в которой деталь отольют».

Воображение и расчет, умение представить в целом и разять по частям, увидеть обратный, зеркальный, образ детали и, может быть, даже явления — эта специфика работы Никоновой стала уже (или была и раньше, но усилилась) и особенностью ее ума. А не есть ли это и особенность творчества вообще?

Поэтому и чувствует она себя «своей» на любом участке цеха, поэтому и идут к ней со своими мыслями — и ясными и еще туманными, — уверенные, что под ее трезвым взглядом просветлеет неясная идея. И еще для кого-то работа обернется праздником, как для нее самой.

Она хорошо смеется: звонко, молодо. Ни за что не дашь ей сорока лет. Мы привыкли говорить, чаще отвлеченно, что когда работа — творчество, она в радость. И так чудесно встретиться с человеком, счастливым своей работой.

«Думающий человек», — говорят о ней товарищи по цеху. А думающий человек в коллективе — некий в высшей степени ценный возбудитель мысли в тех, кто работает рядом. И разве это не одно из важных условий научно-технического прогресса? Ведь бывает, что наиболее «узким» местом производства оказываются человеческие головы, зараженные недоверием к новому. И лучшее против этого противоядие — люди деятельной, ищущей мысли. Чем их больше в цехе, на заводе, тем легче, охотнее вступает производство в контакт с наукой.

Двадцать один год несет Никонова обязанности организатора рационализаторов в своем цехе. Удивительное постоянство. Понять его — понять ее характер.

* * *

У нее особенная улыбка: при любом ее, если позволительно так сказать, содержании — гордость, радость, удивление — она сохраняет оттенок насмешливости. И трудно сразу понять: иронизирует Лидия Степановна, или серьезна, или еле сдерживает смех.

Наверное, я б ее не разгадала, если б не увидела инженера-технолога наедине с младшей дочерью, третьеклассницей Наташей. Девочка только что прибежала из школы и, задыхаясь от бега и возбуждения, не раздеваясь даже, стала рассказывать, по каким предметам получила сегодня «пятерки», а потом без перехода и паузы закончила: «А ты узнала, кто у вас есть с орденем Ленина? Знаешь, как нам нужно!»

Мама смотрела на дочку влюбленно, и та же самая, никоновская, улыбка — и насмешливая и безудержная — затопляла ее лицо. Значит, в характере Лидии Степановны заложена эта насмешливость, ироничность. И даже любование дочерью не может погасить ее.

Здесь искомать!

Наверное, характер и помогает ей справиться с многохлопотной работой рацорга. Помочь родиться новому предложению, обосновать его экономически — это ведь только полдела. Надо еще провести это предложение через все инстанции для утверждения.

Когда об этом рассказывала сама Лидия Степановна, юмор ее так и рвался сквозь сдержанность слов и оценок.

— Бегаешь в два этапа. Первый по цеху. Чтоб обосновать предложение, тем более, чтоб «довести» его, надо побывать там, где оно возникло. И в земледелке, и на кране, и в туннель слазить. Одним словом, как Фигаро: и вверх и вниз, и тут и там... Второй этап — по инстанциям: начальнику планово-

го отдела, главному инженеру и так далее. Много. Иногда нет какого-нибудь документа, справки. Заранее знаешь, что есть к чему придаться. Тут уж прибегаешь к дипломатии... Вот и становишься и психологом, и дипломатом, и кем хочешь. Тоже — рационализация.

Юмор — не лишний посох в дороге. И мне даже кажется, что и в некоторых производственных идеях Лидии Степановны сквозит это симпатичное лукавство ее ума. Предложений у нее самой было много. 52 внедрено. Это дало заводу 55,5 тысячи рублей экономии. То предложение, о котором хочу рассказать, не из самых знаменитых. Но сказывается в нем яснее эта никоновская способность перехитрить упрямство материала.

Детали шли с браком. Сталь давала раковины. Никонова предложила вместо обычного стержня употребить стальную трубу, наполненную песком. Кажется, просто. А на самом деле — принципиально смело. Стержни — это же всегда песок. А тут стержень в стальной оболочке. Благодаря ей, этой оболочке (а горячий металл расплавлял ее), отливка остывала равномернее. Исчезли раковины. Словом, улучшилось качество литья.

Опять литье! А начали-то мы, помните, с улыбки, с разговора с дочкой... Начали-то мы о характере Лидии Степановны.

Как-то она сказала, кажется, по поводу своей долгой работы в одном цехе, что не помнит — да их и не было! — ни одной ссоры, ни одного конфликта с товарищами.

Я заметила, что это все-таки здорово, особенно если учесть сложность производства и острую зависимость всех в цехе друг от друга. А Лидия Степановна так ответила:

— Бывают у каждого неполадки, ошибки и плохое настроение, но дело-то у всех общее, это главное. А будешь на мелочи размениваться — себя потеряешь...

Плохое настроение — понятие растяжимое. Так называют и состояние мелочной раздражительности и состояние, вызванное сильной усталостью, неудачей, горем.

И если уж говорить о горе, то поводы для плохого настроения у Лидии Степановны были серьезные.

Пятнадцать лет назад семья Никоновых пережила трагедию. Возвращавшегося с ночной смены Владимира Николаевича Никонова ударом в затылок свалили какие-то хулиганы. Потерявшего сознание человека раздели и оставили на снегу в тридцатиградусный мороз. Никонова отпустили, но он стал инвалидом первой группы.

Надо ли говорить, что грамотный человек, имеющий среднее специальное образование, остро переживает свое положение инвалида. Правда, ему доверяют общественную работу, и ответственную: четыре года он был секретарем парторганизации горжилотдела.

Забот всяких достаточно. А в семье Никоновых вы не уловите и тени раздражения. Дружелюбие, ровный, ласковый тон не изменяют здесь никому.

— Доченьки наши, — заметил Владимир Николаевич, — почему-то больше ко мне тянутся. Правда ведь, Лида?

И Лидия Степановна добродушно отвечает:

— Конечно же! Без тебя они разве бы так учились? Разве бы так развивались? Я и не знаю, что бы мы были без тебя.

Нет, подумалось, в этой семье, пожалуй, не может возникнуть плохое настроение. Наверное, здесь не говорят друг другу: «Уж так вышло: ничего не могу с собой, поделать». Здесь берегут друг друга.

И я представляю, что и в стальцехе люди так же берегут друг друга при сложных, длительных, порой неудачных производственных экспериментах.

* * *

Таков человек, объединяющий рационализаторов стальцеха Ковровского ордена Ленина экскаваторного завода.

Теперь, когда я вспоминаю слова начальника стальцеха, сказанные о Никоновой: «Улучшила качество литья. Уменьшила его себестоимость», — мне хочется продолжить их так: «Помогает людям работать думая, искать и находить новое в своем деле, изменяя его к лучшему».

Она и в этом — рацорг, только здесь ищет она и находит среди самих людей. Она ищет на главном направлении.

Лидия Степановна Никонова.

Фото А. Терзиева.



«ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!»

Эти знаменитые ленинские слова, произнесенные в семнадцатом году, полны глубокого смысла и в применении к нынешним дням. Есть такие партии, которые преисполнены ответственности перед народами мира и от которых в конечном счете зависит решение судеб человечества. Это коммунистические и рабочие партии, передовой и самоотверженный авангард международного рабочего класса.

Сложная и опасная обстановка в мире требует от коммунистов сплочения рядов и повышения бдительности, мобилизации усилий рабочего класса, всех трудящихся, создания антиимпериалистического фронта, способного сорвать агрессивные планы империализма.

Вот почему на повестку дня своего международного Совещания в Москве коммунисты вынесли «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил».

Ни в одной стране трудящиеся не смогут решить свои собственные задачи, если они не участвуют в общем наступлении на международный империализм. «Чтобы иметь успех в схватке с таким серьезным противником, как империализм, нельзя делать ему идеологических уступок,— заявил в недавнем своем выступлении Орlando Мильяс, член Политической комиссии Коммунистической партии Чили.— Нельзя отделять патриотическую борьбу за национальные цели от великой мировой битвы за мир, независимость государств и социализм».

Противник опасен и многоопытен. Он ищет слабые места в антиимпериалистическом фронте, делает ставку на оживление национализма. А национализм — это обязательно отступление от социализма, в какие бы революционные, «красные» одежды он ни рядился. Вот почему коммунисты всегда выступали и выступают с позиций единства национальных и интернациональных задач.

Противник хитер. Он действует не только силой. Он провозглашает «эру переговоров», поет о «новой восточной политике». Но что скрывается, например, за заверениями западногерманских правителей об их стремлении к «разрядке напряженности», к «добрососедству»? На поверку все то же стремление добиться ревидии итогов второй мировой войны. Для этой цели боннские генералы посчитали чрезвычайно удобным механизм НАТО. Когда-то западных немцев называли «лучшими учениками в атлантическом классе». Теперь боннские генералы занимают ключевые позиции в агрессивном блоке и пытаются диктовать ему свою волю. Западная Германия снова нашпигована вооружением, как немецкая колбаса салом. Девяносто государств присоединились к Договору о нераспространении атомного оружия, а Бонн вновь принял решение об оттяжке с его подписанием.

В сентябре в Западной Германии предстоят выборы в бундестаг. Как пишет «Франкфуртер рундшау», правящая партия ХДС/ХСС направляет предвыборную борьбу в русло: «Реакционеры всех провинций, объединяйтесь!». Несколько раз публично хэдэзовские руководители давали пинка своим теперешним социал-демократическим партнерам по коалиции, пользуясь их непоследовательностью. Вместе с тем они открыто заигрывают со всякого рода правыми и неонацистскими течениями, в частности с национал-демократической партией, которая рассчитывает провести в бундестаг пятьдесят своих депутатов. Программа же этой партии, сформулированная на съезде в Штутгарте, включает амнистию для всех преступлений, совершенных во времена третьего рейха, дальнейшее расширение военной машины, обязательную воинскую повинность для девушек, возвращение в границы ФРГ Восточной Пруссии и Судет. Деятельность нацистской партии западные обозреватели не случайно сравнивают с айсбергом, лишь меньшая часть которого выступает из воды.

Не много больше стоят и «мирные намерения» Вашингтона. Пока в США ведутся разговоры о мире, в Южном Вьетнаме горят дома, гибнут дети, химическими ядами уничтожается все

живое. Соединенные Штаты истратили на эту грязную войну десятки миллиардов долларов. Как пишет «Нью-Йорк таймс», только за один год, пока американские генералы повторяли старые формулы в столице Франции, их потери во Вьетнаме составили почти двенадцать тысяч солдат.

«Самый главный мандат, который дали избиратели Никсону,— заявил член сенатской комиссии по иностранным делам Френк Черч,— это мандат на окончание этой ужасной войны». И что же? Майское выступление президента, по общему мнению, не оправдало надежд. Смысл его заключался в уже не новой идее о «деамериканизации» войны. По сути, это выдает намерение продолжать войну силами вьетнамцев-марионеток против вьетнамцев-патриотов. Вновь было выдвинуто требование о «взаимном» отводе войск, на что представители НФО и ДРВ резонно возрадили: разве можно ставить в равное положение агрессора и его жертву? «Риск ради мира», о котором говорил американский президент, оборачивается, таким образом, все тем же риском продолжения бесславной для США авантюры.

На Ближнем Востоке продолжают отравлять обстановку воинственные призывы израильских экстремистов, подкрепляемые вооруженными провокациями против арабских стран. Израильская военщина во главе с Моше Даяном нагло заявляет, что не оставит захваченных территорий, и старается поскорее «освоить» оккупированные районы. Ничего похожего на готовность обуздать поборников «Великого Израиля» не проявляют и Соединенные Штаты, хотя они и участвуют в четырехсторонних переговорах в Нью-Йорке. Из четырех великих держав только Советский Союз выступает искренним и последовательным защитником требований арабских государств.

Советский Союз и другие социалистические страны поддерживают любые разумные меры, направленные к нормализации отношений между государствами, противопоставляют агрессивной политике империалистов свою согласованную миролюбивую внешнюю политику.

Нынче ни для кого уже не секрет, что за стол переговоров в Париже американцев заставила сесть твердая воля вьетнамского народа и поддержка его друзей в разных странах. Это же лишает представителей США возможности начисто отвергнуть 10 пунктов Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Условия НФО предусматривают обязательный вывод всех вооруженных сил США, создание коалиционного правительства и нейтрализацию Южного Вьетнама. Эту реальную программу прекращения войны поддерживает вся миролюбивая общественность.

В европейских столицах набирает силу идея созыва общеевропейского Совещания по вопросам безопасности и сотрудничества, предложенного государствами — участниками Варшавского Договора. Эту идею одобрили многие общественные и политические деятели Западной Европы, в частности президент Финляндии Урхо Кекконен.

Провалились планы врагов социализма привязать к колеснице империализма Чехословакию. Как известно, после апрельского пленума ЦК КПЧ и происшедших в руководстве изменений дело пошло к нормализации положения в этой стране. И хотя буржуазная пропаганда продолжает трубить о разногласиях в социалистическом мире, но, как говорил еще Галилей, если кто-то отвергает правду, страдает не правда, а он сам.

Международная жизнь — словно море, которое таит в себе много неожиданностей. В ней бывают и свои приливы, и отливы, и штормы. И пока существует на земле империализм, он будет нести людям беды и страдания. Но великим счастьем для народов является существование лагеря социализма, существование коммунистических и рабочих партий. Не напрасно за ними идут миллионы и миллионы трудящихся всех стран. Любым проискам империалистов они противопоставляют могучий щит пролетарской солидарности и интернационализма.

Н. РОЦИНА

«ГДЕ НИЧТО НЕ ПОЛОЖЕНО...»

Рассказ

У меня есть приятель, которого зовут Дориан. Он постоянно занят тем, что ищет смысл жизни, и презирает меня за то, что я не делаю этого. А я действительно смысла не ищу. Я его знаю.

В данную минуту я сижу за столом, гляжу на своего ученика и думаю о том, что надо будет пойти и взять у Дориана ключ от его однокомнатной квартиры.

Я заранее знаю, какой у нас будет с Дорианом разговор, и мысленно проговариваю текст про себя. Пока я готовлюсь к предстоящей беседе, мой ученик Миша Косицын играет сонатину Клемента.

— ...Четыре и, раз и, два и...— гнусаво считает Миша и колотит по желтым потрепавшимся клавишам. Локти у него висят, пальцы стоят неверно. Надо бы подойти, поправить руку, но мне лень подниматься.

Сижу и думаю о предстоящем свидании. Мы познакомились вчера в метро. Я запомнил имя — Гелана, я никогда раньше такого имени не слышал. И запомнил шапку, таких я тоже раньше не видел. Если Гелана придет сегодня в другой шапке, я просто не узнаю ее.

Я очень люблю бывать в обществе женщин! С ними я чувствую себя талантливее и значительнее, чем на самом деле. И женщины любят бывать в моем обществе, потому что у меня хороший характер. Я ни от кого ничего не требую, и поэтому со мной легко.

— Дальше,— говорю я Мише.— Что там у тебя дальше?

— Ригодон,— тоненьким голосом отвечает Миша.

— Выучил?— спрашиваю, хотя понимаю, что вопрос и праздный и риторический.

— Я учил...— говорит Миша, и уши у него становятся красными.

— Выучил или нет?— снова спрашиваю я и гляжу на часы. До конца урока осталось десять минут. Я предпочел бы не дожидаться конца, но за дверью сидит Мишина бабушка и тоже, наверное, смотрит на часы.

— Пожалуйста,— говорю я.

—...Три и, раз...— кричит Миша. Я понимаю: мелодия он не слышит совершенно, а процесс счета его занимает гораздо больше, чем процесс игры.

Наш завуч любит говорить: «Где ничто не положено — нечего брать». В моих учеников, за редким исключением, ничто не положено. Почти все они провалились в музыкальную школу и теперь учатся в клубе просто так — для себя. Вернее, даже не для себя, а для своих родителей.

— Ре диез,— поправляю я и снова смотрю на часы.

Миша перестает играть, глядит сначала на правую руку, потом на левую. Он не понимает, где нужно взять ре диез.

— Хватит,— не выдерживаю я.— В следующий раз то же самое!

Миша поднимается из-за пианино розовый и взмокающий. Он стоит, смотрит в пол, мучаясь и мечтая выскочить скорее из класса. Я мечтаю о том же, но почему-то задерживаю своего ученика. Говорю ему о

Восемь дней продолжалось в Москве V Всесоюзное совещание молодых писателей, созданное по инициативе ЦК ВЛКСМ и Союза писателей СССР.

Более 300 прозаиков, поэтов, драматургов, критиков привезли на суд литераторов старшего поколения свои книги — уже напечатанные и те, которым еще только предстоит увидеть свет.

С разных концов страны съехались они в Москву. Среди участников совещания — краснодарец Иван Зубенко, ленинградцы Михаил Глинка и Василий Лебедев, молдавская студентка Марчелла Бенья, рижанин Андрис Якубанс, казах Мухтар Шаханов, томская учительница Любовь Асеева, турименка Огултеч Оразбердыева...

Знаменательно, что подавляющее большинство молодых, начинающих литераторов — люди с серьезным жизненным опытом — это рабочие и геологи, моряки и инженеры, педагоги и журналисты.

Сегодня мы знакомим читателей с рассказом участницы V Всесоюзного совещания молодых писателей москвички В. Токаревой.

пользе учения вообще и музыкального образования в частности. О гармоническом развитии личности. О том, что сейчас Миша этого не ценит, а когда вырастет большой и сумеет оценить — окажется уже поздно. И вот тогда-то Миша не сможет укубить свой локоть, который тем не менее будет очень близок.

Закончив беседу, я взглядываю на часы и, убедившись, что Мишино время истекло, выхожу с ним в коридор. Я выхожу, чтобы направиться к Дориану, но меня останавливает Мишина бабушка.

— Ну как?— спрашивает бабушка, глядя на меня с мольбой и благоговением. Она так смотрит, потому что я учитель. Учу ее вника блгородному делу.

— Мало занимается,— строго говорю я. Старуха горестно кивает, в руках у нее Мишина папка и Мишино пальтишко...

— А что делать? Как заставить? Мы у ругаем...

Старуха смотрит мне прямо в рот и ждет разумного совета. Самое разумное, что я мог бы предложить,— поменять Мише учителя. Но предлагать такое не принято, поэтому я говорю бабке то, что ей хочется от меня услышать. Я говорю, что внук у нее умный и серьезный, что он со временем образумится, возьмет себя в руки и выучит наконец ригодон и сонатину Клемента.

Бабка радостно кивает, она верит каждому моему слову. Людям свойственно надеяться и верить в хорошее.

Чтобы попасть к Дориану, надо спуститься этажом ниже. Я спускаюсь и иду через актывый зал.

В актовом зале обычно репетирует оркестр Московского радио. Они снимают в этом клубе помещение.

Сегодня репетиция уже закончилась, музыканты разошлись. На сцене задержалась лишь девушка-скрипачка. У нее светлые во-

лосы, клетчатая юбка, она похожа на немку. Девушка прижалась щекой к скрипке и, отставив смычок, делает пиццикато. Я останавливаюсь, гляжу на нее и вспоминаю свое студенчество, то время, когда учился в Гнесинском институте и собирался завоевать мир.

* * *

Дориан обходит своих учеников, раздаёт им ноты и медиаторы. Дориан руководит оркестром народных инструментов, поэтому у него полные карманы пластмассовых медиаторов. Для себя он держит отдельный — черепаховый.

Дориан видит меня, выходит из класса и прикрывает за собой дверь. Глаза у него настороженные.

— Ты что сегодня делаешь?— спрашиваю я.

Вместо ответа Дориан достает из-за пазухи афишу и разворачивает передо мной. С афиши на меня снисходительно смотрит мой сокурсник Толька Беляев. Под портретом большими красными буквами написана его фамилия, а пониже — синими — Толькина программа: Бетховен, Спендиаров, Григ.

Ничто так не огорчает, как успех товарища. Я смотрю на красные буквы, на синие и снова спрашиваю:

— Так что ты сегодня делаешь?

— Когда?— уточняет Дориан.

— Ну, с семи до десяти...

— Иду в библиотеку, сразу после работы.

— Очень хорошо,— говорю.— Я приду к тебе в гости часов в семь.

— Как же ты придешь, если меня не будет?— наивно удивляется Дориан.

— А ты дашь мне ключ,— объясняю я.

«Сейчас скажет: «Не дам».

— Не дам,— говорит Дориан.

— Почему?— ласково интересуюсь я.

«Сейчас он скажет, что ему противно».

— Потому что мне противно,— говорит Дориан.

Он нервничает, потому что знает: через десять минут, когда он окончит монолог, ключ будет у меня в кармане.

У Дориана очень дряблая воля, из него никогда бы не получился дрессировщик диких зверей. Дикие звери съели бы Дориана на первой же репетиции.

Через десять минут с ключом в кармане я возвращаюсь к своим дорогим ученикам. Скрипачка уже ушла. Вместо нее на сцене с венником в руках стоит наша уборщица тетя Фрося. Одна из ее обязанностей не пускать в клуб хулиганов. Хулиганов тетя Фрося не пускает, да они сюда и не стремятся. Все хулиганы района давно усвоили, что связываться с тетей Фросей неразумно. Затрачиваемая энергия намного превосходит отдачу.

Чтобы добиться в жизни успеха, надо уметь хотеть. Страстно желать. Вот тетя Фрося как раз страстно охраняет клуб. Я же страстно хотел завоевать мир — и не завоевал. А Толька Беляев, кстати, никогда

не хотел ничего завоевывать. Он хотел только играть.

* * *

Гелана пришла в шапку. Стояла возле памятник Маяковскому, и, по тому, как она стояла, чувствовалось, приготовилась ждать долго.

Я подошел сзади и, улыбаясь, представлял, как трону ее сейчас за плечо, как она обернется и обрадуется, и мы вместе пойдем по улице, и она начнет молотить какую-нибудь милую чепуху.

Мне заранее нравилось идти с ней по улице, потому что была она вся пряменькая, стройная и смешная.

Я уже протянул было руку, но в последний момент почему-то вдруг смутился. Стоять с протянутой рукой было неловко, и я все же тронул ее за плечо.

Далее действие начало развиваться странным образом: она действительно обернулась, но не удивилась, как я предполагал, и не обрадовалась, а посмотрела так, будто пыталась вспомнить, кто я и почему здесь стою.

— Здравствуйте,— вежливо поздоровался я, давая понять, что мы хорошо знакомы.

Гелана прищурилась, у нее было такое лицо, будто она решала в уме арифметическую задачу, и, ничего не сказав, пошла через площадь.

Я стоял и не знал, идти мне за ней следом или в противоположную сторону. Но тут вдруг она остановилась. Я воспринял это как приглашение и подошел.

— Дайте мне две копейки,— потребовала Гелана.

Я вытаскивал мелочь, отобрал для нее нужную монету.

— Я сейчас,— предупредила она и пошла к автоматной будке.

Я глядел, как она ступает в своих высоких сапогах, глядел на необыкновенную ее лохматую шапку и чувствовал смутное беспокойство.

Через минуту Гелана вернулась и сказала:

— Сначала занято, потом никто не подходит. Длинные гудки.

— Надо же...— глубокомысленно заметил я и понял, что выгляжу в ее глазах круглым идиотом. Если я вообще в ее глазах как-нибудь выгляжу.

Мы пошли по улице Горького, мимо зала Чайковского. Я вспомнил, что последний раз был в зале Чайковского два года назад.

— Куда мы идем?— неопределенно поинтересовался я, мысленно презирая свою интеллигентскую нерешительность.

— К моей подруге,— сказала Гелана.— Я должна занести ей конспект.

— А это надолго?— Мне очень не хотелось заносить подруге конспект.

Гелана ничего не ответила, потом посмотрела на меня и спросила:

— Что?

— Ваше общение с подругой.

Гелана опять ничего не ответила, и мы пошли.

Дверь открыла подруга. Я заметил, что

лицико у нее бледненькое, а уши торчат перпендикулярно плоскости головы.

Они переглянулись с Геланой, как заговорщики, и скрылись на кухне, а я остался стоять возле двери.

Постояв так минут десять, я решил уйти по-английски, не прощаясь. Но в этот момент про меня вспомнили.

— А почему вы здесь стоите?— удивилась Гелана, высунувшись из кухни.

Это был довольно сложный вопрос, и я не сразу нашелся, как на него ответить.

— Проходите, пожалуйста!— гостеприим-

но откликнулась подруга и поманила меня пальцем.

Я правильно прочитал этот жест и доверчиво пошел следом за подругой. Она привела меня в комнату, а сама снова ушла на кухню.

Кроме меня, в комнате оказалась старуха в штапельном платке с маленькой девочкой на руках.

— А кто это пришел?— громко спросила старуха у девочки.— Это папа пришел?

Девочка поглядела на меня серьезно и подозрительно и вдруг отчаянно, оттянув нижнюю губу, заплакала.

Я смутился, хотел выскочить за дверь, но в это время старуха медленно закружилась и запела:

Съезжались к загсу трамваи,
Там пышная свадьба была...

Я задержался в комнате, мне было интересно послушать, что дальше, но старуха переменяла песню:

А и папаша ничего,
И мамаша ничего,
Гуляй, дочка, до утра,
Я сама девочкой была...

игриво вскрикивала старуха и все норовила сильнее толкнуть ногой.

Девочка тоже развеселилась, улыбалась, дергала ножкой, и личико ее с повисшей на щеке слезой было ясное...

— А как Наташенька делает «дай-дай»?

Наташенька вытянула пальцы, потом собрала их в кулачок и снова вытянула.

Старуха снисходительно на меня посмотрела, ища на моем лице следы восторга и зависти.

— А как Наташенька делает «папа, иди сюда»?

Наташенька, не балуя разнообразием программы, снова повторила тот же самый жест.

— Видал, что деется?— похвасталась старуха и, чтобы я получше разглядел, «что деется», подошла ко мне близко.

— А где у дяди глазик?— спросила она.

Я не успел зажмуриться, как девочка ткнула замусоленный палец прямо мне в глаз. В носу у меня засвербило, я быстро заморгал и все никак не мог проморгаться. Старухе стало жаль меня, и, чтобы сделать мне приятное, она сказала:

— А Лека—девка самостоятельная. Сама шить может и вяжет на спицах. И учится на «пяты», не то что наша...

Я посмотрел на часы, было начало девятого. Старуха тоже посмотрела на часы и, вручив мне девочку, вышла из комнаты. Я подумал, что она пошла за Геланой, но старуха возвратилась одна, держа в руках блюдечко с творогом.

— Творожок, творожок, ну-ка, съешь меня, дружок!— весело продекламировала она, нацелившись ложкой в Наташин рот.

Наташа шлепнула по ложке рукой, и творог взлетел на мои волосы.

— Ну, как ты держишь?— упрекнула меня старуха и, отобрав девочку, усадила ее к себе на колени.

— А сейчас нам дядя споет песенку про уточку...— пообещала она.

Такой песни я не знал, но девочка смотрела выжидающе, и я запел побочную партию из симфонии Калинникова.

— Тю, завыл, как баптист,— обиделась старуха.— Спой, что-нибудь быстрее...

— Но я не хочу петь!— запротестовал я.

В это время в комнату заглянула подруга и, сориентировавшись в обстановке, сказала:

— Они кормят, подожди еще немного...

Дверь закрылась, и голоса стали глуше. Я слышал, как подруга сказала: «Только, пожалуйста, не делай глупостей»,—а Гелана

ответила: «Мало ли я делала глупостей, пусть будет еще одна...»

Через час, оглохший и отупевший, я вышел на улицу. У меня было такое состояние, будто я проработал целый рабочий день, причем не сегодняшний, а тот далекий первый день, когда я еще работал на редкость добросовестно.

— Дайте мне две копейки,— снова потребовала Гелана.

Двух копеек у меня не было, и я зашел в продовольственный магазин. Кассирша менять деньги отказалась, резонно заметив, что мелочь ей нужна больше, чем мне. Чтобы получить две копейки и не испытывать при этом унижения, я купил румынский коньяк. Причем заинтересовал меня не столько коньяк, сколько бутылка—круглая и плоская, с пестрой этикеткой.

Гелана ушла звонить, а я остался ждать, когда она выйдет из будки.

Мне, откровенно, больше не хотелось идти к Дориану, а хотелось домой. Хотелось поесть, а потом развалиться в кресле и, вытянув ноги, почитать «Известия».

Гелана вдруг выглянула из телефонной будки и, не сказав ни слова, потащила меня внутрь.

— Позовите Сашу, мужским голосом,— приказала она и сунула телефонную трубку к моему уху. Глаза у нее были какие-то стремительные, будто она разбежалась для прыжка в воду.

— Позовите Сашу,— послушно повторил я максимально мужским голосом.

— А кто спрашивает?— поинтересовался женский голос.

— Кто спрашивает?— Я зажал мембрану ладонью.

— Алексей, скажите, Алексей...

— Алексей,— повторил я, как дурак.

— Сейчас,— подумав, сказал женский голос.

— Сейчас,— передал я Гелане и протянул ей трубку.

Она посмотрела на меня с ужасом и осторожно взяла трубку почему-то двумя руками.

Я вышел на улицу. Шел снег редкий и крупный. Мне показалось, что я уже стоял однажды на этом месте, видел такие вот деревья и фонари.

Гелана вышла из будки, остановилась возле меня, натянула зубами варежку.

— Ну, куда теперь?— уточнил я.

— Куда хотите...

— Может, ко мне?— Я очень обрадовался, и это, наверное, выглядело невежливо.

— Ну да...— не обидевшись, объяснила Гелана.— Куда вы меня весь вечер тянете, туда и поедем.

Она посмотрела на меня стремительными своими глазами. А я, глядя в эти глаза, подумал, что из нее получился бы превосходный дрессировщик диких зверей. Во всяком случае, меня она могла заставить делать все что угодно.

Я никак не мог открыть квартиру. Я вставлял ключ бородкой вверх, а надо было как раз наоборот, бородкой вниз.

Наконец я все же открыл дверь. Гелана прошла первая, зачем-то сняла свои сапоги и в одних чулках прошла в комнату. Я подумал, что, может, родители у нее сибиряки или японцы. Обычно в Сибири и в Японии у порога снимают обувь.

— Ну?— сказала Гелана и поглядела на меня глазами, ясными от отвращения.

Я не понимал, что значит это «ну». Я вообще ничего не понимал, меня просто парализовало ее отвращение. Я стеснялся повернуться спиной—помнил, что у меня плоский затылок. Я боялся повернуться в профиль, потому что у меня ничтожный нос. Боялся стать фас, хотя ничего явно

компрометирующего в моем фазе как будто и не было. Боялся стоять на месте, чтобы не выглядеть балбесом. Боялся двигаться, потому что у меня отвратительная походка: ноги где-то впереди туловища, и когда я иду, впечатление, что сейчас упаду на спину.

Проклиная все на свете, я подошел к столу, сел и выпил несколько глотков коньяку

Она снова закрыла лицо руками и заплакала. Сначала тихо, потом громче и, чтобы я не слышал, сильнее прижалась лицом к жесткой спинке дивана.

Я отошел к окну и стал смотреть в сумерки. Напротив стоял дом. В прошлый раз, когда я сюда приходил, он еще не был заселен, а сейчас там светилось несколько окон. Я смотрел на окна и думал о том, что

Я ничего не требую, потому что сам ни в кого и ни во что себя не вкладываю. А «где ничто не положено — нечего взять».

— Пойдем,— сказал я Гелане.— Я тебя отвезу домой.

...Мы шли по улице. Она плакала — так, чтобы этого никто не заметил: по неподвижному лицу ползли слезы, и она подбирала их языком.



Рисунок О. ВУКОЛОВА.

прямо из бутылки и стал ждать, когда начнет пошумливать в голове, надеясь, что, может, это освободит меня от ущербности.

— Ну?— повторила Гелана.

Потом вдруг вся скалась, отошла к дивану, постояла возле него, осторожно, будто выверяя каждое движение, села. И неожиданно заплакала.

Я не знал, что мне делать: сказать что-нибудь или лучше помолчать. Подойти к ней или лучше держаться подальше...

Мне хотелось сказать ей «Лека» — как назвала ее Наташина бабушка. И я почему-то вспомнил, что она самостоятельная и учится на «пятак».

— Брось,— сказал я,— Лека... Не переживай. Дурак он, Саша твой. Что он понимает?

Я был совершенно убежден сейчас, что Саша этот — круглый дурак и ничего, абсолютно ничего не понимает. Иначе бы он не заставил ее плакать здесь.

— Что вы знаете?— вскрикнула Гелана. Глаза у нее были бешеные, даже какие-то веселые от бешенства.— Что вы вообще можете знать? Вы все — ничтожества рядом с ним! Я умру...

по мне никто так не заплачет и не скажет: «Я умру».

Мне нравилось бывать в обществе женщин. С ними я чувствовал себя талантливей и значительнее. Я всегда любил не их, а себя в них. Знакомясь, я обычно сразу предупреждал, что не собираюсь жениться. Я обычно так говорил сразу, чтобы больше потом к этой теме не возвращаться. И получалось, что женщины относились ко мне несерьезно, как к эпизоду.

И мои ученики никогда не станут профессионалами. Они вырастут, и каждый будет заниматься своим делом. Кто-нибудь, может быть, вспомнит, что ходил когда-то на музыку. А может, и не вспомнит. Забудет, как неинтересный эпизод.

За окнами двигались тени. Я смотрел на них и думал о том, что моя жизнь — сплошной эпизод, а сам я эпизодический персонаж.

А я мог бы играть главную роль в жизни того же Миши Косицына, если бы иначе относился к нему. Вернее, к себе. И женщина сумела бы по мне заплакать. А почему нет? У меня хороший характер, я ни от кого ничего не требую, и со мной легко.

— Ha!— Я протянул ей носовой платок.— И не реви. Люди подумают, что это я виноват.

Гелана взяла платок и сказала:

— Я выстираю и верну.— Гулко высморкалась, добавила:— Только не вздумайте меня жалеть...

— А я и не жалею,— сказал я.

Дориан стоял под вывеской «Галантерея, трикотажа», как мы условились, и ждал меня. Вернее, не меня, а свои ключи.

Мне не хотелось возвращать ключи при Гелане, не хотелось, чтобы он видел ее заплаканной.

— Подожди здесь.— Я оставил ее возле газетного киоска.— Только стой на месте и не двигайся. Я сейчас.

Дориан скакал то на одной ноге, то на другой — то ли развлекался, как умел, а может, грелся. Увидев меня, он перестал скакать и встал на обе ноги.

— Порядок?— участливо спросил Дориан.

— Порядок!— сказал я и отдал ему ключи.



О МУЖЕСТВЕ И ВЕРНОСТИ

А ночью возвращалось чувство безысходности. Как жить дальше? Для чего? Геологом она уже никогда не станет. Да и кем она вообще может стать без рук? А было твердо задумано — окончить вечернюю школу, поступить в горный, потом работать где-нибудь на Крайнем Севере... Теперь об этом и мечтать нельзя.

На днях заглянул к ней незнакомый пожилой человек, старый коммунист. Она не знала: может, сам зашел, услышав о ее несчастье, может быть, попросили его ребята. «Ты, дочка, главное, духом не падай, — сказал он. — Твои друзья-подводники — народ кремневой породы. Эти в беде не оставят».

«Они-то не оставят, — думалось Гале. — Да зачем самой мне быть обузой людям?»

А беда шла в наступление. Ночью она упала с кровати, хотела встать — и не смогла. Отнялись ноги.

На следующий день в больнице была вся семья. Глядя на бледную, неподвижную дочь, навзрыд плакала мать. С трудом сдерживал слезы отец. А рядом стояли испуганные, растерянные сестренки, мал-мала меньше. Она была старшей в семье, опорой матери. И работать пошла рано, чтобы легче было родителям поднимать на ноги остальных... Бедная мама... Ей и без того забот по горло, а тут еще дочь-калека.

твердость с другой твердостью. Не знала, что в те дни друзья о ней только и думали. Не могли смириться, что их Галка, человек, который мог в трудную минуту поддержать любого, пал духом.

Ее не уговаривали, не жалели. Говорили с ней так, будто она сама все понимает и справится, непременно справится. Принесли как-то старый номер журнала «Молодой колхозник».

— Интересная здесь статья об одном художнике. Вот послушай-ка...

Так Галя познакомилась с Виктором Кувшиновым. С детства мечтал он рисовать, только рисовать! Но война оставила его в двадцать лет без рук. Никто, кроме самого Виктора, не верил в то, что он все-таки станет художником. И вот первые картины, которыми заинтересовались в Москве... Только близкие друзья знали, чего стоили ему двенадцать лет тренировок.

Потом притащили рассказ об известном скульпторе Лине По. В юности она ослепла, но научилась лепить, не видя. И работы ее прекрасны!

Разыскали статью об американской спортсменке Вильме Рудольф, которая после полиомиелита долго не могла передвигаться, но благодаря упорным тренировкам научилась не только ходить, но и бегать, да как бегать! — стала чемпионкой мира. Статью принесли Гале.

«Милые ребята, — думала Галя, оставаясь одна, — ободряют. Целую библиотеку собрали про мужество. Только ведь я-то ничего не смогу».

Вскоре получила Галя Пархоменко неожиданное письмо от Алексея Маресьева. Несколько таких нужных строчек! Это, конечно, ребята написали ему, рассказали о Гале. А за этим письмом — другие, от людей, которым собственная жизнь давала право сказать ей: «Крепись!» По радио Галя слушала любимую музыку: передавали по просьбе комсомольцев специально для нее. И все чаще она думала, что не может, не имеет права раскисать.

Не отступали и врачи:

— Вернем мы тебе ноги, будешь ходить.

И однажды утром Галя встала. Сама!

Через несколько часов в комитет комсомола прибежала запыхавшаяся Пономарева:

— Галка, Галка ожила! Смеялась сейчас и даже потихоньку спела!

Пришла в сознание, открыла глаза — полумрак. Нестерпимо болели руки. Она не сразу поняла, почему руки стали такими короткими. Что же с ней? И внезапно все вспомнилось...

Тихое утро, серебристые нити паутины, летящие куда-то в степь, запах убранного хлеба... Когда это было? Сто или десять лет назад? Сегодня? Неужели еще сегодня?

Сегодня вышла из дому утром пораньше: хотелось до работы сбежать к тем большим камням, что лежат в степи. Почему-то манили они ее еще с детства. Серые валуны, поросшие мхом, а вокруг разноцветные каменные россыпи. И сегодня, как в детстве, набрала горсть красивых камешков, сунула их в карман и помчалась к Дону, боялась опоздать на катер.

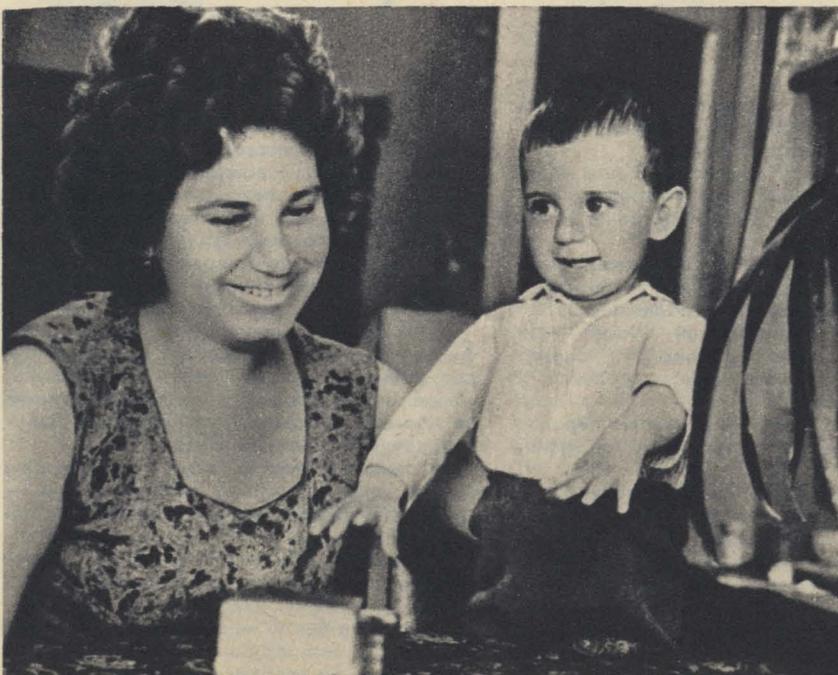
— Галка, Галка! Давай песню! — кричали на катере ребята, вместе с которыми она ехала на работу.

И Галя запела...

Они не заметили, как налетел вихрь, рванул катер с такой силой, что все упали. Галя устояла. Успела увидеть, как на берегу ветер гнул к земле деревья. Новый порыв — и катер швырнуло к парому. Прямо на металлические тросы... Больше она не помнила ничего. Не знала, что попала в больницу, что ампутированы кисти обеих рук...

* * *

Днем в больницу приходили родные, товарищи по работе, комсомольцы из Управления подводно-технических работ. То Валя Вишневецкая забежит, то Галя Пономарева, то Володя Николаев — комсорг. Чаще других — Геннадий Здобников, водолаз, добрый, веселый парень... Днем было легче.



Галина Пархоменко с сыном.
Фото Е. Недери.

Онемели от усталости руки, по лицу струится пот. Слипаются глаза, уже полночь. Тихо подошла мать.

— Может, хватит на сегодня, доченька? Ты ж и вчера легла во втором часу...

— Я скоро, мама, видишь, буква «Ф» пока не получается... Две страницы осталось. По плану.

Пятый месяц идет, как вернулась Галя из больницы и с тех пор по пятнадцать часов в сутки тренирует руки.

Забегала в один из дней соседка по дому. Посмотрела на груды тетрадей, исписанных неуклюжим, корявым почерком, покачала головой.

— И тебе не надоело? Зачем? Куска хлеба тебя не лишают, платят пенсию. Живи себе спокойно, отдыхай. Ты ж вон высохла вся из-за своих тренировок.

Галя подошла к ней, сказала тихо:

— Не приходи ко мне больше!

Галя все увеличивала и увеличивала свое дневное задание: переписать восемь страниц печатного текста, очистить десять картофелин, погладить юбку, убрать комнату. Дней отдыха не было. И только иногда уступала просьбе друзей, отправлялась с ними в турпоход или в театр, в Ростов (Аксай, где живет Галя, в двадцати километрах от Ростова-на-Дону). Она понимала, что товарищи все затевают специально для нее, чтоб не переутомлялась. И знала, что это по их просьбе к ней постоянно заходят врачи, которые настаивают на том, чтобы она больше отдыхала. Но Галя была верна своему правилу: ни дня без тренировок.

И однажды, когда пришли к Гале ее самые частые гости, комсомольцы-подводники, она протянула им тетрадь, исписанную ровным, красивым почерком — три главы из книги «Как закалялась сталь», книги, которую принесли они ей еще в больницу.

— Это же победа, Галка!

— Ну, все,— решительно сказал Гена Здобников,— хватит дома сидеть,— возвращайся к нам.

И Галя вернулась в свой коллектив. Комсомольцы избрали ее комсоргом. Решили, что не может и быть у них вожака лучше, чем такой мужественный, неунывающий человек, как Галя Пархоменко. Она стала работать библиотекарем, снова пошла учиться в вечернюю школу. Окончив десять классов, поступила на подготовительные курсы в институт. И, как раньше, часто звенит ее заразительный смех, ее песни.

А в одну из весен, когда цвели в Аксае сады, у подводников был праздник — комсомольская свадьба. И было все на той свадьбе торжественно, как и должно быть на свадьбах. Торжественная, счастливая невеста — Галя Пархоменко, торжественный, счастливый жених — Геннадий Здобников.

Я побывал у Гали и Геннадия совсем недавно. Растет у них сын: второй год пошел младшему Геннадию Здобникову. Сидит он на коленях у мамы, пухлый, розовощекий, улыбается безмятежно. Не знает пока, как трудно было маме научиться пеленать его, менять ползунки, распашонки. Но она все хотела делать сама и обижалась, если Геннастарший принимался ей помогать.

Вырастет сын — и все узнает о матери. О большом ее мужестве, большой победе в жизни. Не от нее узнает — от отца или от друзей их семьи. Мать же расскажет ему когда-нибудь о другом, о том, сколько сил может появиться у человека, если рядом верные друзья, если он почувствует локоть товарища.

В. КОЗЫРИН

АДРЕСНЫЙ СТОЛ

«ПОДРУЖКИ»

«Завидую тем, кто строил Братск и «Магнитку». Мечтаю работать там, где трудно и интересно. В этом году я заканчиваю школу. Куда мне поехать? Нина Полудинкина, г. Киров».

Отвечает Ю. А. МАТВЕЕВ, член Государственного Комитета Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов:

— Стране очень нужны строители самых различных профессий: бетонщики, каменщики, плотники, маляры, штукатуры. Нужны они на Севере. Например, в Норильске. Там обнаружены новые большие запасы редких и цветных металлов, расширяется Норильский горно-металлургический комбинат, а рядом, в поселке Талнах, в тундре, строится мощная электростанция.

С удовольствием примут пополнение на стройках новых городов — такого, например, как город Ак-Довурак в Тувинской АССР. В Ак-Довураке, что в переводе значит «Белая земля», огромные залежи асбеста, здесь растет асбестовый комбинат, а весь город — строительная площадка.

Нужна молодежь и на Дальнем Востоке. Сейчас в городе Спасске-Дальнем строятся тракторный и авторемонтный заводы, комбинат асбестовых изделий.

Да только ли это? Дальний Восток огромен: Хабаровский и Приморский края, Амурская область... И всюду нужны рабочие руки: на строительстве предприятий угольной и металлургической промышленности, жилья, клубов, животноводческих ферм...

А сколько возможностей у тех, кто хочет строить электростанции! Возводятся Хабаровская и Саратовская ГЭС, Ириклинская ГРЭС в Оренбургской области...

И, наконец, может быть, самые важные для страны адреса — стройки черной металлургии в Магнитогорске, Челябинске, в Нижнем Тагиле и Свердловске, в Кончатае...

Хорошо бы, выбрав адрес, предварительно туда написать, подробней узнать об условиях. Написать на стройку можно и не имея специальности. Тем, кто живет в больших центрах, надо обращаться в отделы по использованию трудовых ресурсов областных и краевых исполкомов Советов депутатов трудящихся. В небольших городах и районах вас примет уполномоченный такого отдела. А живущим в автономных республиках следует связаться с Управлением Совета Министров по использованию трудовых ресурсов. Там вы заключите трудовой договор, вам выдадут путевные, оплатят проезд. А когда вы приедете на стройку, то получите подъемные, место в общежитии. Строительную профессию вы приобретете на специальных курсах или пройдя индивидуальное обучение в бригаде.

Если возникнут вопросы, за разъяснением можно обратиться и нам, в комитет: Москва, 1-й Басманный переулок, дом 3.

«Я слышала, что есть профтехучилища, которые дают выпускнику не просто профессию, но и среднее образование. Что это за училища? Рабочих какой специальности они готовят? Рая Лисина, г. Омск».

Отвечает начальник Учебно-методического управления Госкомитета при Совете Министров СССР по профессионально-техническому образованию М. С. ТОПАЛЕР:

— До недавнего времени таких училищ было немного — всего сто пятьдесят шесть, и считались они экспериментальными. Но с каждым годом их будет все больше и больше. В этом году они смогут принять пятьдесят тысяч человек.

Срок обучения — 3—4 года. Готовят здесь квалифицированных рабочих сложных профессий, которые требуют от человека много знаний. Это рабочие по наладке, ремонту и

монтажу автоматических линий и станков с программным управлением, машинисты башенных кранов, радио- и электромеханики, монтажники радиоаппаратуры, сборщики, регулировщики, химико-аппаратчики, полиграфисты, мастера пищевой, легкой промышленности, художественных промыслов... Как видите, круг специальностей очень широк.

В этом году откроются также училища, выпускающие механизаторов и других специалистов сельского хозяйства. Принимать в них будут в основном девушки.

Во всех этих училищах наряду со специальными дисциплинами изучают общеобразовательные предметы в объеме средней школы. Выпускникам выдается единый аттестат о присвоении квалификации и среднем образовании.

«Дорогая «Подружка!» Я заканчиваю восьмой класс. Мне очень нравится профессия парикмахера. Посоветуйте, где научиться? Лидя Решетникова, Красноярск».

Отвечает заместитель министра бытового обслуживания РСФСР А. В. НОСЕНКОВ:

— Почти в каждом областном центре при управлениях бытового обслуживания созданы учебно-производственные комбинаты. Есть такой комбинат и в Красноярске, где, конечно, работают и курсы по подготовке парикмахеров. Срок обучения (в зависимости от квалификации) — от пяти месяцев до года. Принимают на курсы без экзаменов, со справкой об окончании восьмилетки или с аттестатом зрелости.

Более подробные сведения о поступлении на курсы можно получить в городских и областных управлениях бытового обслуживания.

«Мне хочется стать ткачихой, а в городе нет таких училищ. Сейчас я заканчиваю 8-й класс. Напишите, как мне быть? Таня Збарская, г. Ухта».

Отвечает З. А. ДЕУЛИНА, начальник отдела подготовки рабочих кадров Управления организации труда, заработной платы и рабочих кадров Министерства легкой промышленности РСФСР:

— Текстильным предприятиям очень нужно молодое пополнение. Перечислю несколько предприятий, которые имеют возможность дать вчерашним школьникам профессию, обеспечить общежитием.

В Подмосковье: Глуховский и Орехово-Зуевский хлопчатобумажные комбинаты, озерский комбинат «Рабочий», раменский комбинат «Красное знамя», Павлово-Посадский комбинат, в Мошино — Московское производственно-камвольное объединение, Фряновская тонкосуконная фабрика, Киржачский шелковый комбинат.

Про ивановских ткачей слышали все. Тут уж целая ткацкая страна! Вот несколько адресов: Ивановский камвольный комбинат, родниковский комбинат «Большевик», Ивановский меланжевый комбинат.

Все это известные предприятия, со славными традициями и историей. А вот несколько адресов новых предприятий: Камышинский хлопчатобумажный комбинат, Балашовский комбинат шелковых тканей в Саратовской области и такой же комбинат в городе Чайковском, Пермской области, камвольный комбинат в Тюмени, Читинский комбинат костюмных тканей, Курский камвольно-трикотажный комбинат.

На многих из этих предприятий есть школы ФЗУ и профессионально-технические училища. Сроки обучения — от одного до двух лет. На предприятиях, где нет училищ, существует индивидуальное обучение опытными мастерами и работницами.

Мамины уроки

«Скажите, пожалуйста, можно ли девочкам ходить в шортах? Если нет, то зачем их продают? Мы с подружкой собрались на пляж, а когда сели в трамвай (до пляжа несколько остановок), не знали, куда деваться от насмешливых взглядов и замечаний. Мы, конечно, понимаем, что только остальные люди могут смеяться над модой, но все равно неприятно. Оля и Наташа, г. Жданов».

Вы неправы, девочки. Нельзя считать людей «отсталыми» лишь потому, что их мнения расходятся с вашими. Шорты — удобная одежда для пляжа, для

туристского похода. Но разгуливать в них по городу, ездить в трамваях, заходить в магазины, кино, столовые у нас не принято даже в курортных городах. У всякой вещи свое назначение. Есть одежда для дома, для улицы, для отдыха. Вы не пойдете в театр в домашнем халате, правда? И даже в сорокаградусную жару не отправитесь на работу в купальном костюме. То же и с шортами. Они хороши лишь тогда, когда уместны и не противоречат общепринятым (а значит — обязательным и для вас) нормам поведения.

«Правда ли, что красить ногти на ногах неприлично? А мне так нравится, особенно когда в открытых босоножках. Римма Л., г. Нальчик».

Неприлично здесь, конечно, ничего нет, хотя у молодых девушек крашенные ногти на ногах выглядят несколько претенциозно, даже если лан неяркий, естественного оттенка. Особенно неприятно, если крашенные ногти не в безупречном состоянии, а лан старый, облупившийся. Так что позаботьтесь лучше, чтобы ноги всегда (и не только в босоножках) были идеально

чистыми, а ногти — коротко и аккуратно подрезаны.

«Было очень жарко, и я пришла на танцы без чулок, в одних босоножках. Подруга сделала мне замечание. Права ли она? Зина Р., г. Витебск».

Раньше не было принято появляться в общественных местах с голыми ногами. Сейчас мы более терпимы: в летний день вполне допустимо прийти на работу, в кино, кафе, в гости, на танцевальную площадку в туфлях на босу ногу или даже в босоножках. Но когда собираешься на праздничный вечер, на выпускной бал, в театр, все-таки чулки надо надеть.

Хочется добавить еще, что шлепанцы без пятки — это обувь для дома и пляжа, в них даже на улице появляться неприлично, не говоря уж о работе. И всегда следы за тем, чтобы из обуви не выглядывали подследники.

«...Совсем недавно я познакомилась с парнем. Обстоятельства сложились так, что мы с ним не видимся: живем далеко друг от друга, и у обоих мало свободно-

го времени. Случайно я узнала его телефон (ему об этом неизвестно). Я бы хотела позвонить ему, но все говорят — неудобно. Да и я не уверена, что он обрадуется моему звонку. Р. Ш., ученица 10-го класса».

Нет ничего предосудительного, если девушка позвонит первой хорошему знакомому, однокласснику — что за церемонии между друзьями! Право же, не стоит так мелочно высчитывать, кто и когда должен первым подойти, позвонить, заговорить... И потом, есть же звонки деловые. Например, ты хочешь познакомиться этого мальчика со своими друзьями, пригласить его сходить с вами в поход.

А вот звонить человеку едва знакомому без цели, без дела, просто чтобы поболтать, может быть, и не стоит. Прежде подумай: знаешь ли ты, о чем вы будете говорить? Есть ли у вас что-то общее? Если да — звони, не стесняйся! Но если почувствуешь, что разговор ему неприятен, неинтересен, — не звони больше. Ты же сама понимаешь, какое раздражение вызывают назойливые девочки или мальчики, обрывающие телефоны у случайных знакомых!



Ева с папироской

«...Как-то я говорил с одной знакомой, Галей, о том, что в наше время девушки начали «мальчишиться»: курят, щеголяют блатными словечками, даже пьют вино.

— Ничего страшного, — возразила Галя, — у нас равноправие!

Я прекрасно понимаю, что девушки — такие же «человечки», как я сам, но преклоняюсь перед ними именно за те черты, которых нет в нас, мальчишках: утонченность, нежность, женственность. И мой идеал — вовсе не Ева с папиросой в зубах...

Юрий ПИРОГ,
матрос».

Не узнает ли себя кто-нибудь из вас в этом портрете? Ну, хотя бы некоторые свои черты — «папиросу в зубах», к примеру? Да, немало девушек, которые считают, что курить — совре-

менно, что это придает им особую привлекательность. Поглядеть бы им на себя со стороны — глазами Юрия!

Однажды в гостях я оказалась за столом рядом с хорошенькой, модно одетой студенткой. Но стоило моей соседке заговорить, как все ее очарование исчезло. Грубый, хриплый голос, а главное — пренебрежительный запах изо рта. «Наверное, больные зубы, — подумала я, — они такие желтые...»

Но я ошиблась... Моя соседка вынула из сумочки сигарету и жадно затянулась. Минут через десять взяла другую, затем третью...

За столом было много молодежи, все оживленно спорили. Помнится, речь шла о недавно

вышедшем сборнике известного поэта. Она одна молчала, сосредоточенно пуская колечки дыма.

И я подумала: а ведь сигарета — удобная ширма для тех, кому нечего сказать! Если бы моя соседка просто молчала, опустив глаза в тарелку, было бы заметно, что книги она не читала, собственного мнения о ней не имеет. А тут вроде при деле — курит и загадочно улыбается сквозь голубоватое облачко дыма.

Я убеждена, что очень немногие девушки получают от сигареты подлинное удовольствие. Это подтверждают и социологические исследования: примерно шесть из семи курильщиков признаются, что курение для них — просто дань моде.

Странная мода, которая ставит под угрозу и здоровье и внешнюю привлекательность!

Посмотрите, как плохо выглядят курящие девушки: у них нездоровый, землистый цвет лица, ранние морщинки. Гемоглобин — красящее вещество крови — при дыхании соединяется с кислородом, который питает все органы и ткани. А легкие у курильщика постоянно наполнены дымом, в котором много углекислоты. Вместо кислорода кровяные шарики захватывают углекислоту и, устремляясь во все клетки организма, отравляют его, изменяя и кровеносные сосуды. Вот откуда плохой цвет лица, ранняя вялость и дряблость кожи.

Все знают, что курить вредно, курильщики сами острят, что капля никотина убивает лошадь. Юмор — прекрасное качество, но курильщикам такой юмор обходится недешево. Хроническое курение делает более тяжелым течение почти

всех заболеваний — об этом всегда напоминают врачи. Те, кто много курит, во много раз чаще болеют бронхитами, воспалением легких, даже злокачественными опухолями.

«Ну, когда все это будет! И будет ли вообще», — скептически улыбнется кто-нибудь из вас, распечатывая очередную пачку сигарет. Может быть, через десять лет, может быть, через двадцать, но скорее всего будет. И риск в таких делах к добру не приводит.

Многие утверждают, что курение вселяет бодрость. Это суцзя чепуха. Никотин — наркотик. Он так же, как и алкоголь, может вызвать ощущение некоторого искусственного возбуждения, подъема. Но подъем быстро сменяется спадом, угнетением всей нервной деятельности.

Именно потому, что никотин — наркотик, тем, кто уже привык, трудно бросить курить. Трудно, но необходимо. И сразу, одним рывком! Не уговаривая себя: сегодня, мол, я выкурю две сигареты, завтра — одну, послезавтра только затянусь разочек... Если раз и навсегда оборвать эту привычку, уже через неделю-полторы вы и не вспомните о сигарете. Не хватает воли — обратитесь в наркологический диспансер, врач поможет советом или даже лекарством.

Л. БОГДАНОВИЧ,
врач-психиатр

ПОДРУЖКА

Семен ШУРТАКОВ

Жизнь длинною в одно мгновение

Рассказ



То ли в отсутствие родителей захотелось ему попробовать крепость своих молодых крыльев, а они оказались еще не настолько крепкими, чтобы удерживать его, то ли просто по детской неосторожности выпал из гнезда — не знаю. Когда я увидел его под акацией, в зеленой траве, то даже подумал сначала, что там притаилась какая-то маленькая птичка. Удивило только, что птичка эта глядела на меня своими глазами-бусинками совершенно безбоязненно. И только когда я подошел совсем близко, успев разглядеть ее темно-серое крапчатое оперение с желтеньким галстучком на груди и такой же желтенькой полоской поперек крыльев, она встревожилась и отскочила подальше. Заинтересованный, я шагнул за ней. Она опять взмахнула крыльями и опять не взлетела.

И тут я понял, что это никакая еще не птичка, а глупый, несмышленный птенец.

Мне не стоило большого труда поймать его. Но сколько я ни высматривал на акации и на соседних с ней деревьях, гнез-

да так и не нашел. А оставлять птенца в траве — значило обречь его на верную и скорую смерть: по саду, спасаясь от жары, бродили все видящие и все слышащие кошки.

Я взял птенца в комнату. Ему понравилось на диване — может быть, потому, что диван был мягким и зеленым. «Ну, что ж, живи на диване», — сказал я ему, — а захочешь пить — вот тебе в блюдечке вода». Но птенец не понимал, что такое вода, и не знал, как ее надо пить. А с едой оказалось и того хуже. Чем его кормить? Я пробовал хлебными крошками, кашей, размоченными сухарями — он на все это даже не глянул. А если я открывал ему клюв и втискивал еду насильно, он не глотал ее. Он просто не понимал, что это еда и что ее надо глотать. До сих пор пищей для него были только мушки да червячки.

Пришлось идти в сад и ловить мошек, искать гусениц. Но и этот привычный корм он глотал плохо, с трудом: и мушек и червячков он до сих пор привык получать из тонкого клюва ро-

дителей, а не из грубых человеческих рук.

Все ему в его новой жизни было чуждо и незнакомо: и ровный, гладкий пол комнаты вместо мягкой душистой травы, и эти бесцветные, ограничившие его вчера еще огромный зеленый мир стены, и низкий потолок вместо беспредельного голубого неба. И как бы ни был хорош диван, он тоже, конечно же, не мог заменить родного гнезда. Но главное — никто не мог заменить ему отца и мать, никто не мог понять его детского птичьего языка, так же, как и сам он никого не понимал.

Чтобы не очень тошно ему было в комнате, я по утрам и в середине дня выносил его в сад, пускал в траву, и он, радостный, весело бегал и прыгал в зеленых зарослях.

Меня птенец уже совсем не боялся, и ловить его, чтобы унести в дом, было просто. Он так весело попискивал и попрыгивал в траве, так радостно было глядеть на него, что рука не поднималась тащить его в душную комнату, и я оттягивал и оттягивал эту черную минуту.

Так он прожил у меня день, второй.

А на третье утро птенца на диване не оказалось. Невеселого, нахохлившегося, я нашел его в углу под столом.

Кажется, он повредил себе ногу, когда с дивана скакал на стол, а оттуда на пол, потому что, когда я достал его из-под стола и посадил на ладонь, он повалился на бок, а глаза — от боли или от слабости? — стали закрываться. Наверное, он ослабел и от голода — что ему несколько мушек и гусениц за день! — и оттого, что он не в гнезде с матерью и даже не на земле, не на траве, а на голлом, неудобном полу комнаты.

Я не знал, как и чем ему помочь. От сознания собственно бессилия было вдвойне тяжело. Уж лучше б я не находил его в траве, уж лучше б тогда прошел мимо и ничего не заметил. Больно было глядеть на этот живой, но на глазах угасающий комочек.

Может, вынести его в сад? Теперь и сад ему, наверное, не поможет.

Но когда я все же вынес его на волю и осторожно спустил с ладони на траву — в это вре-

мя как раз дунул ветерок, — вдруг древний инстинкт в нем, что ли, проснулся — инстинкт птицы, которая рождается, чтобы летать, и особенно хорошо ей взмыть вверх, когда в грудь, под крылья дует ветерок. Не знаю, что тут сыграло роль — может, инстинкт, а может, он почувствовал, что жить ему остается совсем немного — какое-то мгновение, но он, слабый, немощный, с закрывающимися глазами, вдруг встрепенулся, напрягся, распустил крылья — только теперь я увидел, какие они большие и красивые, с желтой ступенчатой по каждому крылу полоской, — и взлетел, взлетел навстречу ветру и солнцу, навстречу тому зеленому сияющему миру, в котором родился и частью которого был.

Нет, он не полетел, не воспарил. Он и двух метров не пролетел, наверное. Ну, велика ли вон та вишенка, а он только-только поравнялся с ее верхними ветками. Но и за это короткое время — я видел, я верю — он изведаль и пережил сладкий восторг и прелесть полета, заново ощутил живую красоту этого солнечного, пахнущего цветами и травами, бесконечно огромного мира. И — как знать! — не прожил ли он в то короткое мгновение сполна всю свою птичью жизнь...

Упал и уже больше ни разу не трепыхнулся, только крылья успел сложить. Видно, весь остаток слабых сил вложил он в этот свой первый и последний полет. И сразу на глазах стал словно бы усыхать, съеживаться: округлый, пушистый еще минуту назад, теперь он выглядел растрепанным и несладким.

Когда я вспоминаю эту в общем-то грустную историю, я почему-то не вижу птенца жалким. Я вижу его сильным и прекрасным. Вот он летит навстречу небу и солнцу, молодые его крылья распушены и трепетно переливаются в солнечных лучах, и весь он облит ярким светом, весь охвачен впервые осознанным и впервые изведенным торжествующим чувством полета.

И я думаю: не это ли мы и называем торжеством жизни над смертью?!

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ВАМ ОБЯЗАНЫ ЖИЗНЬЮ

Видеть, как бомба разбивает маленькую железнодорожную будку у путей, где остались твои дети... Что может быть страшнее для матери? Найдется ли героиня, способная в такую минуту думать еще о чем-то? Да.

...По путям мчится поезд — в нем тысячи людей, снаряды и оружие для фронта. Через несколько минут он будет здесь, где взрывом ТОЙ бомбы повреждены рельсы. И тогда...

Две женщины, две матери бросаются на пути.

— Не успеть, — сквозь слезы кричит одна.

— Надо успеть, — глухо отзывается другая.

И они укладывают тяжелый — четверо мужчин с трудом поднимают — рельс. Ровно постукивая на стыках, проносится мимо разрушенного путевого домика, мимо двух сгорбленных женских фигур поезд. Спасены, спасены...

«Вам обязаны жизнью» — название книги, выпущенной издательством «Советская Рос-

сия». Хорошо, бережно составлен новый сборник очерков и рассказов о женщинах в Великой Отечественной войне его составительницей А. С. Комиссаровой. Они очень разные — женщины, о которых вы прочтаете. Но каждая обязательно оставит след в вашей душе.

Героини очерков и рассказов Ю. Нагибина, Л. Кассиля, В. Катаева, В. Васильева, И. Ирошниковой и других авторов — партизанки и разведчицы, машинист паровоза и начальник доменной печи, санитарки и летчицы... Двадцать три

имени, двадцать три подвига.

Есть в одном из очерков такие слова: «Живет на русской земле женщина, живое олицетворение мужества, стойкости, неистощимой талантовости русского народа... Она победила тысячу и одну смерть — и осталась жизнерадостной, чуткой, скромной. В ее волосах сегодня пляшут седые пряди, но глаза по-прежнему теплые, ласковые, а сердце, закаленное в борьбе, сердце это открыто людям...»

Хочется отнести эти слова ко всем героиням сборника.

З. ИЛЬИНА

ШКОЛА
МОЛОДОЙ МАТЕРИ

«Он ничего не понимает...»

Едва появившись на свет, маленький человек становится центром всей жизни семьи. И если он плохо спит, не держит головку, не садится вовремя, не встает на ножки — в доме тревога. Но поразительно, как часто нежная забота о здоровье и благополучии любимого существа сочетается с бесконечным равнодушием к его внутреннему миру.

«Он еще маленький, ничего не понимает...» Удобная формула, за ней можно спрятать все — свою неправоту, незнание, неспособность проникнуть в сложности детской психологии...

А ребенок хоть и мал, беспомощен, но уже человек. Мозг его с момента рождения воспринимает окружающее. И не только воспринимает: все внешние впечатления откладываются в его сознании и оставляют след — часто глубокий, на всю жизнь.

Научные данные говорят о том, что ребенок уже в первые часы жизни отличает громкий, резкий человеческий голос от спокойного, мягкого. А через несколько дней «узнает» голос матери, особенно внимательно прислушивается к нему, выделяет среди прочих звуков.

Месячный и двухмесячный малыш уже пытается двигать губами, складывает рот соответственно словам, которые произносит склонившийся над ним взрослый — копирует звуки «о», «у», «а». Вы, конечно, не раз наблюдали, что притворный плач матери обязательно вызывает у младенца плаксивую гримасу, а смех — улыбку, да еще какую широкую, сияющую, от уха до уха!

Особенно обостренно воспринимают дети слова и действия тех, кого они уже любят, — родителей, воспитателей. Их манеру говорить, тон, интонации, жесты, выражение лица — все это ребенок копирует. И хорошее и плохое. Пока ребенок совсем маленький, он только смотрит и слушает. Но становится старше, овладевает движениями, голосом, мимикой и начинает сам воспроизводить то, что воспринял. Привычки, основанные на собственном опыте малыша, образуются быстро. Покричал — взяли на руки; закатился — дали соску; еще покричал — стали укачивать. Привыкнуть легко, а вот отвыкнуть трудно. Нужно двадцать — тридцать раз не взять ребенка на руки в момент крика, чтобы он понял: плач не вызывает желательной реакции, не заставляет взрослых «сжалиться» над ним.

Для того, чтобы ребенок отвык от привычки, в соответствующих клетках его мозга должен развиваться тормозной процесс. А именно этот процесс у ребенка пока слаб. Он укрепляется, тренируется по мере роста малыша, усиливаясь с каждым месяцем и годом жизни, но еще много лет будет

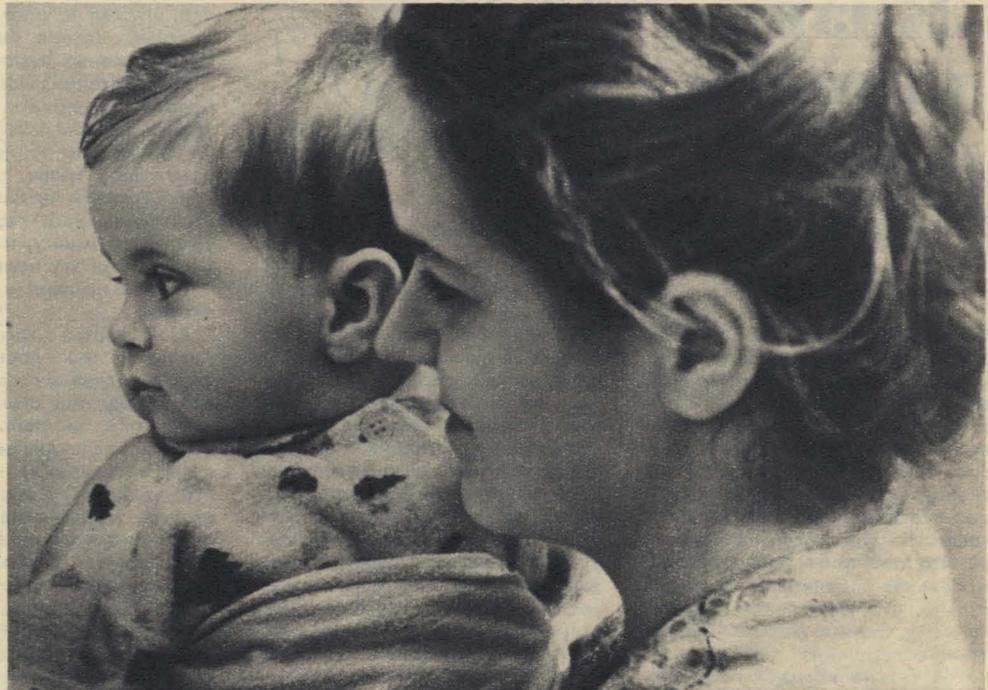


Фото И. АЛЬПЕРОВИЧА.

несравненно слабее, чем у нас, взрослых. Поэтому и говорят ученые о трудности произвольного, волевого затормаживания всех состояний детского организма. Если ребенок чем-то огорчен, громко плачет или даже кричит, ему самому трудно, почти невозможно быстро успокоиться. Его воля слишком слаба, он весь во власти охватившей его эмоции. Нельзя резко требовать: «Замолчи!», «Прекрати сию же минуту» — и при этом еще срываться на крик, топтать ногами, шлепать ребенка. Он же не умеет, не может этого сделать «сию минуту». Конечно, трехмесячный малыш не поймет значения каждого вашего слова, но общий тон, общее недоброжелательное настроение поймет и усвоит очень хорошо. А после восьми месяцев и значение слов перестает быть для него недоступным.

Вот так, мало-помалу у ребенка может складываться плохой характер. Он станет раздражительным, крикливым, злым, а когда вырастет, проявит по отношению к вам, да и ко всем окружающим, ту же самую грубость, которой научили его вы.

У ребенка после 5—7 месяцев и особенно к концу первого года жизни быстро нарастает интерес к окружающему, появляется много немых вопросов. Он тянется ручкой к предметам, ему многое хочется ска-

зать, и он пытается сделать это, мобилизуя все доступные ему слова и звуки. Родители заняты. Малыш едва открыл рот, потянулся руками из кроватки — как ему приказывают сидеть смирно, суют куклу, мишку или другую привычную, не интересующую его сейчас игрушку. Ребенок не удовлетворен. Возникший интерес не получил ответа. Это раздражает нервную систему (мы же помним — маленький человек не может собственными силами заглушить возникшее у него желание). Повторится такая ситуация два-три раза, и, глядишь, малыш стал быстро раздражаться, капризничать, а то и замахиваться на мать своим кулачком... Кто виноват? Уж, конечно, не ребенок. Просто нервная система его не выдержала непосильного груза неудовлетворенных, не нашедших естественной разрядки возбуждений.

Чтобы этого не случилось, никогда, ни в коем случае не отмахивайтесь от ребенка. Удовлетворите немую его просьбу пообщаться с вами, узнать что-то новое, услышать ваш голос, вашу спокойную, добрую интонацию. Покажите малышу интересующий его предмет, спокойно о нем расскажите. Не беда, что ребенок далеко не все поймет: доброе семя не пропадет, полежит до времени, чтобы потом дать всходы. Го-

ворите ласковым, но человеческим, а не кукольным языком, но подлаживайтесь под «стиль» малыша, сниская и коверкая слова.

Всячески поощряйте присущее ребенку от природы стремление узнавать новое, иначе, не получая ответа на свои вопросы, малыш в конце концов перестанет эти вопросы задавать, станет умственно ленивым и безразличным. А потом, через годы, когда он начнет приносить из школы двойки, когда вы с ужасом заметите, что ничего ему по-настоящему не интересно, — вспомните ли вы, как сами гасили первые искорки естественной детской любознательности?

Ваш спокойный, ласковый тон, улыбку на лице, готовность выслушать и ответить ребенку не только воспримет, но и незамедлительно воспроизведет. Внимательно посмотрите на лица детей — и вы увидите, что у них очень рано проявляется характерное индивидуальное выражение, отражающее то, что они видят вокруг себя. Если взрослые всегда хмуры, сердиты, редко улыбаются, то таким же сердитым будет выглядеть и их ребенок. Понаблюдайте за вашими детьми. Понаблюдайте тонко и внимательно. Вы увидите немало полезного и для себя самих.

Многие родители злоупотребляют запретами: «нет», «нельзя», «не ходи», «не бери», «не пушу». Это страшные слова, вызывающие большое нервное напряжение у ребенка. Да и не только у него.

Представьте себе, что на все ваши просьбы и обращения кто-то из близких, скажем, муж, отвечает только «нет». Это неминуемо вызовет у вас раздражение. Вы что-то просите, чего-то ждете, мозг воз-

бужден, а резкое «нет» требует незамедлительного волевого воздействия, способного погасить возбуждение нервных центров. Это трудно вам, а ребенку, у которого, как мы говорили, воля слаба, в десять раз труднее. Острым словом «нет», как всяким острым оружием, нужно пользоваться с большой осторожностью.

Но нельзя же разрешать детям все! Да, нельзя. Ребенок с самого раннего возраста должен твердо понять: ему дозволено далеко не все, существуют твердые запреты, которых не опрокинешь ни слезами, ни криками. Только вместо резкого, грубого, оскорбительного «нет» приучите его к «нет» спокойному, даже ласковому — но от него не менее непреложному. Не злоупотребляйте запретами по пустякам, но если уж вы что-то не разрешаете, будьте тверды, не меняйте своих решений, поддавшись чувству жалости или настроению.

Да, вы не можете удовлетворить все желания малыша. Но подумайте о форме отказа и объясните его причину — даже самому маленькому объясните, который «ничего не понимает». Если отказ объяснен — он не воспринимается как несправедливость, а это очень важно.

Мать держит на руках полугодовалого малыша. Он тянется к яркой вазе на столе, кричит и требует ее. Одна мать резко оборвет сынишку: «Нельзя, не смей» — да еще шлепнет. Другая ласково скажет: «Нельзя, милый, разобьешь», — поглядит его протянутую ручку, прижмет к себе. А потом постарается переключить внимание малыша на что-нибудь другое: «Посмотри, полетела птичка, пойдем к окошку...» Ваза

забыта, малыш доволен, но «нельзя» матери запечатлелось в его сознании. А если бы он не успокоился, а расплакался, разнервничался, обиженный резкостью и несправедливостью (представьте себе, что даже самые маленькие способны чувствовать на свой лад несправедливость и страдать от этого), никаких следов материнского «нельзя» не осталось бы в мозгу, все стерто перевозбуждением нервных центров, не нашедшим естественной разрядки.

Это лишь пример ответа. Стандартов здесь нет и не может быть. Будьте терпеливы и последовательны — это самое главное:

Вполне естественно, что отец и мать не могут быть всегда и во всем согласны друг с другом. В семье возможны споры, разные мнения, в частности и по поводу воспитания детей. Недопустимо, чтобы эти разногласия в резкой форме, иногда с грубыми выражениями обсуждались в присутствии малыша — даже трехмесячного. «Он ничего не понимает, еще маленький...» Нет, ребенок превосходно усваивает атмосферу ссоры, неуважительное отношение друг к другу близких ему людей. И к тому же инстинктивно принимает позицию того, чьи действия ему выгодны. Когда, скажем, отец требует, чтобы сынишка доел суп до конца, а мама защищает его, мама «хорошая», а папа «плохой». Если посмотреть глубже, не с этого ли начинается формирование эгоизма?

Человеческий мозг развивается рано, он живо воспринимает все, что вокруг него происходит. Воспринимает и усваивает, а след усвоенного остается на всю жизнь.

Защищайте на память

СКОЛЬКО РАЗ В ДЕНЬ КОРМИТЬ НОВОРОЖДЕННОГО? В первые три месяца жизни шесть раз, через каждые три с половиной часа, с обязательным ночным перерывом не менее шести часов. На четвертом месяце можно отменить одно кормление, лучше самое позднее, чтобы ребенок привык спать всю ночь, не просыпаясь для еды.

НУЖНА ЛИ МАЛЕНЬКОМУ РЕБЕНКУ КАКАЯ-ЛИБО ПИЩА, КРОМЕ ГРУДНОГО МОЛОКА? В первые пять месяцев грудное молоко — основной источник питания малыша. Основной, но не единственный. Нужны дополнительно витамины. Поэтому уже с месячного возраста давайте ребенку фруктовые, ягодные, овощные соки. Конечно, очень осторожно, начиная с нескольких капелек и постепенно доводя до 10 чайных ложек в день. С полутора месяцев назначают рыбий жир, богатый очень важными для роста ребенка витаминами А и Д. Начинать с 5 капелек, но уже в 2—3 месяца давайте 1—2 чайные ложки. Лучше делать это после кормления, так как рыбий жир тормозит выделение желудочного сока. С двух месяцев постепенно приучайте малыша и к яблочному пюре (оно специально производится нашей промышленностью для детского питания, можно го-

товить его и дома), сначала 1 ложечку, потом побольше, до 10 ложек в день.

Трехмесячному ребенку нужны уже и продукты, богатые белком и жиром: творог (с 1 чайной ложки до 4-х); вареный желток (сначала четвертинка, с 6 месяцев — половинка), сливки (половина чайной ложки, затем целая). Предлагайте ребенку что-то новое, каждый раз будьте очень осторожны: следите, как он справился с непривычной едой, не расстроился ли желудочек, не появилась ли сыпь на лице, руках. Есть дети, которые не переносят некоторых продуктов; в таких случаях посоветуйтесь с врачом, чем их заменить.

КОГДА НАЧИНАЮТ ПРИКОРМ? В пять месяцев, не позже. Даже если у матери очень много молока, его уже недостаточно для правильного развития ребенка. В грудном молоке мало минеральных веществ, а к концу первого полугодия активно формируется скелет, ребенок бурно растет. Раньше первым блюдом грудного ребенка была каша. Сейчас врачи считают, что несравненно полезнее начинать с овощного пюре — сначала полужидкого, потом гуще. Перед одним из кормлений грудью дайте 3—5 чайных ложек пюре, день ото дня больше, больше и, наконец, замените

одно кормление полной порцией пюре (150 г). Дети на первых порах принимают овощи неохотно. Не сдавайтесь, будьте настойчивы.

Другое кормление в 6 месяцев замените кашей (180 г) — манной, рисовой, гречневой, овсяной.

ЧТО МЕНЯЕТСЯ В ДЕТСКОМ МЕНЮ ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ? Когда ребенку исполняется 7 месяцев, отмечают еще одно (третье) кормление грудью, вместо него дают кефир или молоко. Ребенок уже получает настоящей обед: четверть стакана бульона, овощное пюре, а на третье — полстакана фруктового киселя. Через месяц во время «обеда» можно дать ребенку в руки мусочек хлеба. В 7,5—8 месяцев с супом или овощами можно давать и 1—2 ложки вареного мяса, дважды пропущенного через мясорубку. Когда малышу 10 месяцев, можно давать ему фрикадельки; исполнится год — давайте паровые котлеты. Полезны также в небольших количествах отварная рыба, мозги, печень.

В 10—11 месяцев остается всего два кормления грудью. Их можно заменить постепенно стаканом молока или кефира с сахаром (2 чайные ложки), с сухариком, печеньем.

Количество съеденного за один раз не должно превышать 200—220 г.

Очень вкусны, полезны и удобны выпускаемые нашей промышленностью детские консервы: соки, овощные пюре, мясные пюре и т. д. Особенно рекомендуем их зимой и ранней весной, когда в натуральных овощах и фруктах мало витаминов.

КАК КОРМИТЬ РЕБЕНКА, ЕСЛИ У МАТЕРИ НЕТ МОЛОКА? Каждая капля грудного молока драгоценна. И чем больше вам удастся дать его ребенку, хоть понемногу, тем лучше. Ваше молоко предохраняет ребенка от заболеваний, способствует правильному развитию.

Если своего молока не хватает, постарайтесь в первый месяц обеспечить малыша донорским молоком. А через несколько недель можно, посоветовавшись с врачом, заменить грудное молоко высококачественными натуральными продуктами, которые готовят в детских молочных кухнях: В-рис, В-кефир, кефир, цельное молоко. Промышленность выпускает также сухие и молочные смеси, которые могут быть использованы в питании маленького ребенка. Сейчас, например, готовится к выпуску разработанная в Институте питания АМН СССР смесь «Малыш» — заменитель грудного молока.

Е. ФАТЕВА,
дoнтоp медицинских наук

В неоплатном долгу

В редакцию почти одновременно пришло два письма. Одно из города Курска, второе — из города Рыльского, Курской области. И то и другое — от коллективов женщин и оба об одном и том же.

«Третий год строится заводской детский комбинат, но конца работ не видно, — пишут работницы Курского завода тракторных запасных частей. — Сейчас на стройке полное затишье, говорят, ее законсервировали. Не знаем, что делать: устроить детей в сады города не можем, там нет мест. Некоторые работницы ушли с производства. Если не откроют сад в этом году, то и многим другим придется оставить работу».

И второе письмо: «Рыльский мясоптицекомбинат находится за чертой города, в поселке Боровское. Здесь мы живем, здесь и работаем. В поселке нет ни яслей, ни детского сада. Накануне выборов председатель райисполкома А. Ф. Карачевцев нарисовал туманную картину: ясли и сад будут построены, но... когда, неизвестно. В поселке много неработающих молодых женщин. Они сидят дома, потому что не с кем оставить детей. Производству же очень нужны люди».

...И вот я в Курске. Показываю письма в обкоме партии. «Оставьте, разберемся», — ответили мне. Ответили спокойно, без тени тревоги. Видно, тут притерпелись к подобным жаябам, они стали привычными.

Курская область заметно изменилась с послевоенных времен. В прошлом сельскохозяйственная, она теперь в числе промышленных областей страны. Это сказалось и на облике городов. Принарядился, похорошел и сам Курск. Заново перекраивается центральная улица Ленина. Появились новые районы, современные магазины, кафе, гостиница... И только для самых маленьких жителей Курска остался таким, как прежде. Сеть дошкольных учреждений с довоенных лет почти не увеличилась. По обеспеченности детскими садами и яслями область занимает одно из последних мест в стране. В городе Курске более шести тысяч семей ждут не дожидаясь путевок для своих детей. И, несмотря на это, область из года в год не выполняет план строительства этих жизненно необходимых объектов. А для того, чтобы ликвидировать очередь и довести до нормы число детей в садах и яслях, только в Курске необходимо открыть по меньшей мере 20 детских учреждений на 280 мест каждое. Строится же всего одно, вот уже... третий год!

Руководители строительных работ привычно ссылаются на так называемые «объективные причины»: не хватает рабочих, нет своей строительной базы, в городе возводится много промышленных предприятий и жилых кварталов, им внимание в первую очередь.

В Курском облисполкоме тоже говорили об этом. Заместитель председателя Роман Петрович Малахов старался доказать, что построить одно — только одно! — дошкольное учреждение трудно и даже почти невозможно. Верил ли сам Роман Петрович в то, о чем говорил? Неужели он и впрямь полагал, что его доводы можно принять всерьез?!

Недостаток кадров на промышленных предприятиях и в системе бытового обслуживания становится хронической болезнью для Курска. Достаточно сказать, что вновь выстроенные и прекрасно оборудованные корпуса реконструированной трикотажной фабрики ждут новых работниц. Предприятие терпит огромные убытки. Если бы всем женщинам, сидящим с маленькими детьми дома, были предоставлены путевки в сады и ясли, трикотажная фабрика давно бы уже работала на полную мощность.

Если бы... Но фабрика имеет всего один ясли на 100 мест, а на город нет никакой надежды. И совершенно непонятно, почему Министерство легкой промышленности РСФСР, планируя реконструкцию фабрики, «упустило из виду», что работницам, которые сюда придут, понадобятся для детей места в садах и яслях!

К сожалению, не лучше обстоит дело в Железногорске, хотя город этот и находится в области на особом положении. Руда дала ему жизнь. Город продолжает строиться, у него, несомненно, большое будущее. Если вы спросите, какова в городе численность населения, вам ответят: «У нас вчерашние сведения, сегодня они уже устарели». И действительно, буквально каждый день сюда едут и едут люди, строители и горняки. Главным образом молодежь. И недаром железнорогцы утверждают, что они занимают первые места в области по количеству свадеб и рождаемости!

Казалось бы, каждому ясно: в таком городе необходимость строительства детских учреждений диктуется самой жизнью. Так

нет же. За одиннадцать лет здесь построено всего семь дошкольных учреждений на 1 160 мест (фактически в них воспитывается 1 900 детей). Три из них городского Совета и четыре — Михайловского железорудного комбината. Комбинат еще должен был ввести в 1966 году детские учреждения на 520 и в 1967 — на 220 мест. Но строительство было сорвано. А на 1968 и 1969 годы Министерство черной металлургии СССР о капиталовложениях на эти стройки и не подумало.

По нормам Госстроя на каждую тысячу жителей города полагается иметь 70—90 мест в детских учреждениях. Железногорску, даже по самым скромным подсчетам, не хватает трех тысяч мест...

Руководители Михайловского железорудного комбината, да и других предприятий города, часто сетуют на большую текучесть кадров и словно не понимают, что недостаток мест в садах и яслях — одна из серьезных причин, порождающих текучесть.

Год назад Курский областной комитет народного контроля проверял работу детских учреждений. Интересовались всем: достаточно ли мебели и в каком она состоянии, чисто ли в помещении, вкусно ли кормят ребятишек, своевременно и правильно ли оказывают медицинскую помощь... Проверяли дотошно, внимательно. Все отмечено в актах: где-то нужен срочный ремонт, кому-то надо помочь договориться с ближайшим магазином, чтобы доставляли ребятишкам всегда свежий творог. Кое-кого требовали наказать (безобразие: на окнах обнаружена пыль и на кухне не очень чисто)... Словом, разные отмечены недостатки — большие и малые, важные и не очень. Но один недостаток оказался общим для всех садов и яслей: перуплотненность. В некоторых комбинатах, рассчитанных на 280 мест, воспитывается 420 детей.

В марте нынешнего года вместе с комиссией Министерства здравоохранения РСФСР (возглавляла комиссию инспектор Г. С. Волк) мы побывали и в тех детских учреждениях, которые проверялись народными контролерами. Положение, увы, не улучшилось, а скорее ухудшилось: за это



Рисунок А. ЦВЕТКОВА.

УКРАДЕННАЯ ПЕСЕНКА



По материалам фольклора эскимосов



Давно, говорят, это было. Пуночки две, птички белые, в тундру прилетели. Ой, ой, ой! О-о-о! Прилетели, весну принесли.

Устроили они гнездо на скале. Снесла пуночка-мать яйцо. Ой, ой, ой! О-о-о! Одно, одно, только одно яйцо!

Проклюнулся из яйца птенец, пуночка-сын. Проклюнулся и заплакал. Ой, ой, ой! О-о-о! Ага! Плачет, плачет, плачет единственный сынок. Баюкает мать сынка, единственного, песенку ему поет:

— Чьи это ножки, чьи крылышки, чьи глазки, головка эта чья?

А сынок не унимается, еще пуще плачет:

— Ки-ки-и-и...

— Фить, цирр! — сказал пуночка-отец. — Ну-ка, я сам спою.

Вынул трубку изо рта и запел:

— Чьи это такие маленькие ножки, чьи это маленькие крылышки, чьи маленькие глазки, головка эта маленькая чья?

Засмеялся маленький сынок и уснул.

Отец за кормом полетел, а мать у гнезда осталась. Сидит, песенку поет.

Услыхал большой черный ворон, ворон черный большой услышал:

— Подарите мне вашу песенку.

— Нельзя.

— Но я про-про-прошу-у!

— Не можем подарить. Без этой песенки не спит наш сынок.

— Не даете? Тогда я у-кар-кар-крану! — Подхватил песенку и улетел.

Проснулся пуночка-сын и заплакал. Плачет пуночка-мать.

Принес отец корм.

— Почему не едите? Почему плачете?

— Ворон песенку нашу себе взял...

— Дайте мне мои охотничьи доспехи, — сказал пуночка-отец, — я полечу искать нашу песенку!

Надел меховую шапку, опоясался кожаным ремнем, на котором висели нож и кинжал, взял охотничьи рукавицы, лук и стрелы.

— Я пошел!

Быстро-быстро по тундре побегал, потом крылья расправил, полетел. Высоко в небе кружил, низко по-над землей порхал. Наконец, в долине между двух сопок увидел стойбище воронов. Спрятался пуночка за скалой, снял с плеча

тугой лук, положил стрелу с каменным граненым наконечником. Сидит, слушает: который ворон запоет, тому стрела!

А вороны говорят, говорят, разговаривают.

— Кун-кун-кун, — ворчат старики.

— Кыхы-ай, — смеются со своими подружками молодые парни-вороны, — кыхы-ай!

А подружки отвечают:

— Кых-кых-кых...

Только один большой ворон сидит наверху яранги, глаза закрыл, головой кивает, покачивается. Хвост то подожмет, то растопырит и поет, поет:

— Чьи это такие маленькие ножки, чьи это маленькие крылышки, чьи маленькие глазки, головка маленькая чья?

А хвост вверх-вниз, вверх-вниз.

Пустил пуночка стрелу, попал ворону в хвост.

Охнул ворон.

— Ох! Какие маленькие ножки! Ох! — однако песенки не оборвал, поет.

Пуночка стал спускаться с тетивы стрелу за стрелой. Как ударит стрела, ворон только охнет и дальше песенку ведет:

— Ох! Маленькие глазки...

Ах! Чьи это маленькие крылышки... Ой, ой! Что-то вцепилось мне в бок, что-то ударило по животу... Ах! Головка

м а-а-а-а-аленькая чья? Ох, ах, ай!

Открыл глаза и увидел пуночку.

— Я беру свою песенку! — сказал пуночка-отец, пустил последнюю стрелу и полетел домой.

Прилетел и говорит:

— Снимите с меня мои охотничьи доспехи. Хорошенько просушите мою меховую шапку и рукавицы: они взмокли от пота. Повесьте на почетное место мой тугой лук. Я отвоевал украденную песенку. Вот она вам — слушайте! — и запел.

Пуночки и по сей день эту песенку поют. Только когда ворона черного тень на гнездо упадет, умолкают. И сынок тоже не плачет, молчит. Ой, ой, ой! О-о-о! Ага! Молчит, молчит, молчит, не плачет маленький сынок.

Вот и сохранилась, не пропала песенка, потому что молчит, не плачет маленький пуночка-сын.

Малыши, не плачьте, не надо плакать. А то ворон прилетит, песенку мамину подхватит и унесет.

Пересказала для детей
Анна ГАРФ.



Рисунки Я. Мирошниченно.

время в детских учреждениях не прибавилось ни одного места. А дети все прибывают и прибывают, куда же денешься, если у родителей безвыходное положение. Воспитателям и врачам приходится работать в труднейших условиях. Попробуйте уследить за каждым, когда в группах 30—35 и даже больше сорока ребятишек!

Справедливости ради следует сказать, что и в таких условиях воспитатели и врачи делают все от них зависящее, чтобы детям было хорошо, чтобы они были здоровы.

Я прочитала в дневнике старшего педагога Татьяны Алексеевны Юрьевой (комбинат № 5 г. Железнодорожского) такие записи: «Сегодня Олечка из малышовской группы первый раз улыбнулась. Значит, привыкает, теперь и поправляться будет...» Из дневника же я узнала, что Сережа — большой забияка, а новенькая Леночка совсем не умеет играть с товарищами... Надо очень любить детей, чтобы появлялись в дневнике такие записи. О людях, преданных своему делу, отдаю

щих детям не только «служебное время», но и сердце, я могла бы рассказывать и рассказывать. Это они, несмотря на перенаселенность, сделали свои сады и ясли образцовыми: такими, как ясли № 15 завода синтетического волокна, которыми руководит Александра Иосифовна Карнаевич, ясли-сады № 3 и № 5 в Железнодорожском. Но и там мы слышали: «Если бы меньше было в группах ребят! Тогда с каждым можно было бы заниматься и развитием речи и музыкой — есть очень способности».

Дошкольные работники будут испытывать трудности до тех пор, пока в Курской области радикально не изменится отношение к строительству детских учреждений. Положение здесь сложилось нетерпимое, и прежде всего потому, что срыв планов строительства мало беспокоит советских и партийных руководителей области. Вероятно, поэтому никто ни разу не потребовал от директоров предприятий ответа, почему, нап-

ример, Михайловский железорудный комбинат или завод тракторных запасных частей не построил детские учреждения. Разве работники обкома не считают своей партийной обязанностью контролировать строительство, добиваться, чтобы в области было достаточно мест в садах и яслях? Надо, конечно, предъявить претензии и к министерствам: строя предприятия и жилые дома, одновременно стройте и дошкольные учреждения! Чтобы не получалось так, как на трикотажной фабрике, — цеха построили, а работают никому.

На какие бы объективные причины ни ссылались заместитель председателя обл. исполкома Р. П. Малахов и секретарь обкома партии Т. И. Архипова, с которой мы беседовали по этому вопросу, ясно одно: руководители Курской области в неоплатном долгу перед детьми.

Л. БУРМИСТРОВА



Воспева- ющий жизнь

Борису Михайловичу Кустодиеву было сорок пять лет, когда он взялся за автобиографию: сделал серию «автобиографических» рисунков для книги, которую писал о нем друг его и почитатель Всеволод Воинов.

Удивительные это рисунки! Их надо не просматривать, а рассматривать, рассматривать долго и тщательно. Мир в «автобиографических» рисунках Кустодиева увиден глазами ребенка, искреннего, любопытного к краскам и явлениям, живущего радостями жизни и верящего в бессмертие.

Борис Михайлович признавался Воинову, что часто «ловит себя» на такой мысли: в своих картинах он «всегда выражает те переживания, которые его волновали в детстве».

Детство... Губернский город Астрахань. Сплошь деревянный. Волга и воздух, пропитанный запахом рыбы. Дородная фигура купца Догадина, у которого Екатерина Прохорова, мать маленького Бориса, снимает флигель, — отец Бориса, преподаватель русского языка и литературы Михаил Кустодиев, умер, и семье приходится жить на маленькую пенсию.

Детство... В Астрахань впервые приехала выставка Товарищества передвижников. На ней экспонируются такие шедевры русской живописи, как «Боярыня Морозова» В. Сурикова, репинские портреты, «Утро в сосновом лесу» И. Шишкина, «Страда» Г. Мясоедова, «Христос и грешница» В. Поленова. Десятилетний Борис пришел силой увести с выставки.

Детство... Оно кончилось в ту пору, когда Борис стал учеником художника П. Власова. Занятия продолжались два года, и в течение всего этого времени не было дня, чтобы Борис не рисовал. Учитель, друг известного передвижника А. Архипова, был поражен настойчивостью подростка и предсказывал ему большое будущее.

1896 год был знаменательным в жизни Бориса: юношу приняли в Петербургскую Академию художеств и его учителем стал прославленный Репин.

Илья Ефимович Репин и Борис Михайлович Кустодиев —

эти два имени часто соседствуют. И справедливо. Отличаясь в самобытности, они сходны в главном: оба глубоко национальны, оба тяготеют к реальности, к содержательности.

За годы учебы в академии Кустодиев создал несколько историко-бытовых композиций, портреты художника И. Билибина и своего родственника А. Варфоломеева. Участвовал в работе над колоссальным полотном — групповым портретом членов Государственного совета. На академический конкурс Кустодиев представил картину «Базар в деревне», созданную в результате поездки по Волге от Рыбинска до Астрахани. Картина эта не сохранилась, но по свидетельству современников ярко и талантливо показывала своеобразие русского народного быта. За эту работу Борис Михайлович был удостоен звания художника.

И. Е. Репин, отдавая должное таланту своего ученика, говорил: «На Кустодиева я возлагаю большие надежды. Он художник даровитый, любящий искусство, вдумчивый, серьезный, внимательно изучающий природу. Отличительные черты его дарования: самостоятельность, оригинальность и глубоко прочувствованная национальность; они служат залогом крепкого и прочного успеха».

Тут следовало бы кое-что расшифровать. Для художников-передвижников слова «прочувствованная национальность» означали нечто большее, чем бытописательство жизни народа. В недрах русской жизни рождалась революция, и дыхание ее улавливали все передовые люди России. Ощущение невозможности жить так, как живется сейчас, ощущение зреющих перемен — все это отражалось и в книгах Л. Толстого и М. Горького и в картинах передвижников.

И когда И. Е. Репин отмечал «прочувствованную национальность» Кустодиева, он говорил, в сущности, о свойстве молодого художника реалистически глядеть на мир, жить чувствами и мыслями своего народа.

Борис Михайлович Кустодиев не был революционером. Одна-

ко честность, любовь и искусству и «прочувствованная национальность» сделали его художником революционным.

События первой русской революции нашли горячий отклик у Кустодиева.

Рисунки, карикатуры художника появляются в сатирических журналах «Жупел», «Адская почта» и в «Календаре русской революции».

В одной из монографий, посвященных Кустодиеву, так оцениваются рисунки этого периода: «Большинство художников, потрясенные кровавым подавлением революции, отозвались на ее трагический финал. Кустодиев дал образ самой поступи революции, народной революционной стихии. Суровый, могучий ритм строений Путиловского завода — тот фон, на котором развиваются события, — рабочий митинг, забастовка, демонстрация. В рисунках «Агитатор» и «Митинг» Кустодиев изображает рабочего вожака, плоть от плоти рабочей массы».

Портреты и жанровые картины, написанные Борисом Михайловичем в течение последующего десятилетия, свидетельствуют о расцвете его таланта. Он пишет много, пишет уверенно, его работы становятся глубже и психологичнее. «Портрет священника и дьякона» (1907), портрет «Монахиня» (1908), «Портрет Ю. Е. Кустодиевой с дочерью Ириной» (1908), портрет-картина «Японская кукла» (1908), картина «Ярмарка» (1908), два варианта «Праздника в деревне» (1907 и 1910), картины «Купчихи» (1912) и «Масленица» (1916) — все эти и многие другие работы Бориса Михайловича принесли ему, как и предсказывал И. Е. Репин, крепкий и прочный успех.

Русь, русский быт и русские характеры у зрелого Кустодиева дышат почти детским простодушием и даже наивностью. Это простодушие и наивность человека, у которого руки мастера и душа ребенка. Пристрастие Кустодиева к фольклору, к сказке, к праздничной, радужной палитре органично. Его картины, посвященные русской

провинции и ее людям, необычайно насыщены, в них множество интереснейших деталей быта, в них простор, в них радость жизни. Праздничное восприятие мира — наиболее характерная черта Кустодиева-живописца.

Внутренне, всей душой своей Кустодиев был подготовлен к революции. Уже февральские события пробудили в нем гордость за Россию, забурлившую демонстрациями и митингами. Он пишет актеру В. Лужскому: «Ведь такой улицы надо столетиями дожидаться», — это он, сетуя на свою тяжелую болезнь — у него был прогрессирующий костный туберкулез — и не имея возможности спуститься вниз, где бурлила толпа и мелькали красные флаги, радовался общей радостью и дышал — не мог надышаться! — воздухом революции.

Первая картина в русской живописи, посвященная февральским событиям, была написана Кустодиевым. Она называлась «27 февраля 1917 года».

Всем сердцем художник воспринял Октябрьскую революцию. Его картина «Большевик», в которой художник дал символический образ Октября, картины «Праздник на площади Урицкого в честь открытия II конгресса Коминтерна» и «Ночной праздник на Неве», написанные по заказу Петроградского Совета, и, наконец, работа над ленинской темой — многочисленные иллюстрации и сборникам «Детям о Ленине», «Ленин и юные ленинцы», «Один день с Лениным» — достойное завершение больших трудов истинно русского советского художника, целиком посвятившего свое искусство народу.

Г. МИХАЙЛОВ

На вкладке:

Б. КУСТОДИЕВ. ЛЕТО.



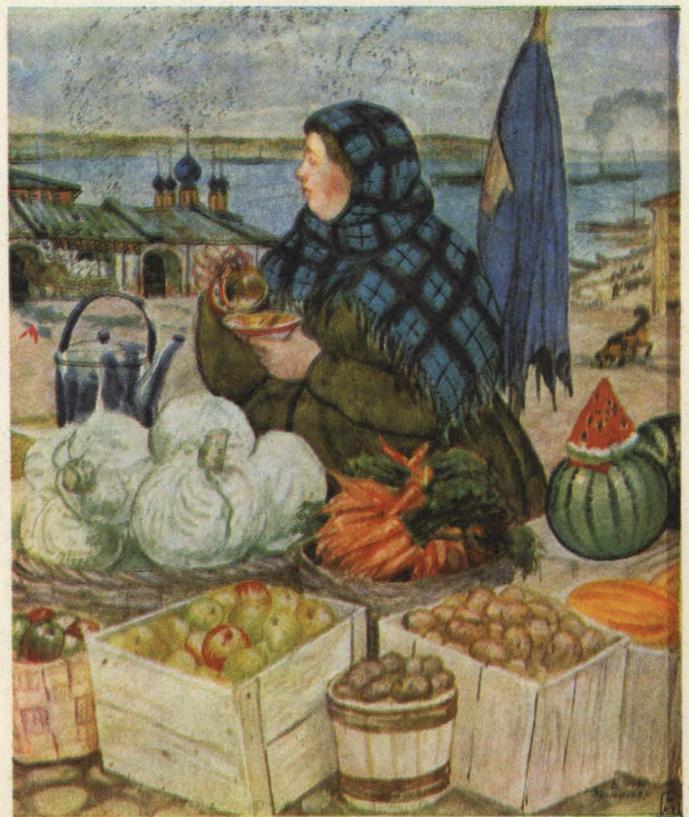
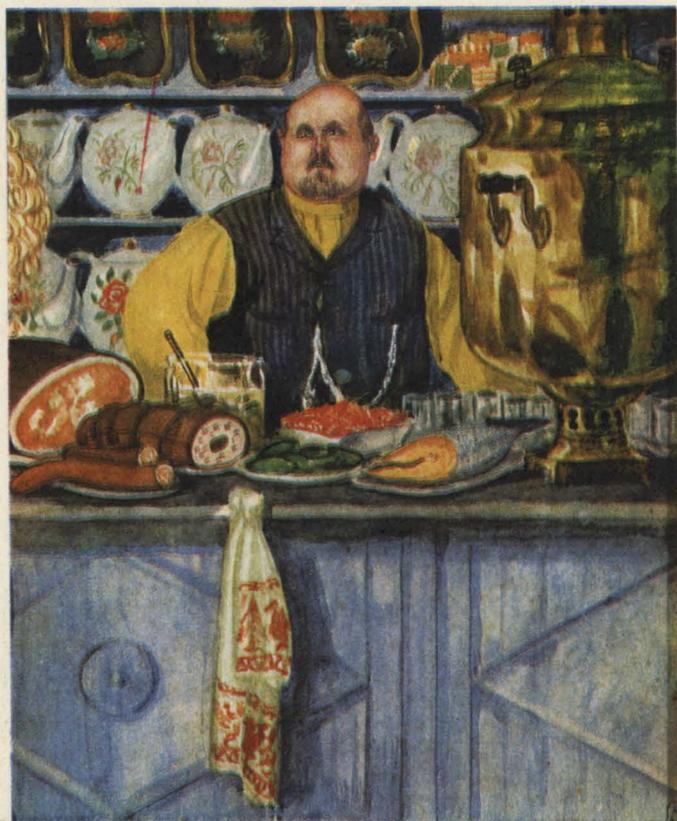
Б. КУСТОДИЕВ.



КУПЧИХА
ЗА ЧАЕМ.

ТРАКТИРЩИК.

ТОРГОВКА
ОВОЩАМИ.



Крылатый конь

Сразу за рекой вставало солнце. И тотчас же на потолке моей комнаты началась игра разноцветных бликов от воды, как в корабельной каюте. Многоголосый крик диких уток встречал появление светила. Великое множество этих птиц селится по весне на островах в прибрежных зарослях реки, селится безбоязненно: охота на них здесь запрещена.

Гостиница стоит на самом берегу Тэдонгана. Стремительные упругие волны этой реки несли к Желтому морю последние льдины. Деревья на набережной еще не оделись листвою, но весна уже владела городом. Весь он — большой, протянувшийся по обоим берегам могучей реки, с еще не просохшими тротуарами и дорожками на бульварах — был очень чистым, светлым, полным влажного блеска.

Пхеньян — столица Коре́йской Народно-Демократической Республики — один из древнейших городов Азии и в то же время совсем молодой: почти все его здания — и эта гостиница, и великолепный театр напротив, и университет, и школы, и больницы, и кварталы жилых домов — едва ли могут насчитать и полтора десятка лет.

Шестнадцать лет назад здесь лежал разрушенный, превращенный в прах город, в котором, казалось, не осталось даже корня жизни, ее основы.

О том, как поднимался город, разрушенный американскими интервентами во время Отечественной войны корейского народа 1950—1953 годов, как после войны все люди — от мала до велика — стали его строителями, как разбирали завалы битого кирпича, на тачках и в корзинах доставляли материал для строек, мне рассказали работники Центрального комитета Союза демократических женщин Кореи в первый же день приезда. И повели к древнейшим, возведенным еще в первые века нашей эры городским воротам и показали единственное трехэтажное здание, уцелевшее во время войны. А потом повезли к священной для каждого корейца горе Миранбон, на которой разбит городской парк и высится обелиск «Освобождения» — память о советских воинах, павших в боях за освобождение корейской земли от японских колонизаторов.

Без громких слов было понятно, как дорог моим корейским подругам красавец Пхеньян, как гордятся они своей столицей, как приросли сердцем и к этой величавой реке, к этим широким проспектам и площадям. На одной из площадей я увидела монумент Чоллима. На высоченном постаменте, почти под облаками, крылатый конь стремительно мчит двух всадников — мужчину и женщину.

Давно жила в корейском народе легенда о крылатом Чоллиме, способном обогнать время. Теперь сказочный конь стал олицетворением созидательной силы народа, символом республики.

— Помогает дух Чоллима, — сказала мне ткачиха Ли Ха Сун, объясняя, как ей удается одновременно обслуживать 80 стаяков.

Пхеньянский текстильный комбинат, куда мы приехали, — большое, хорошо оборудованное предприятие: прядильное производство на 10 тысяч веретен и ткацкое — 3 тысячи современных станков. На нем занято 10 тысяч рабочих, три четверти из них — женщины. Триста женщин — инженеры и техники.

Начало второй смены... К воротам один за другим подходят автобусы с работницами. Такой здесь порядок: заводские автобусы привозят рабочих и отвозят домой после



Пхеньян сегодня

СЛОВО О ДРУЗЬЯХ

В. ВАВИЛИНА

смены. Но прежде чем отправиться в цех, многие женщины забегают в ту часть заводского двора, где среди деревьев выросла целая улочка — ясли и детские садики. В них воспитывается около 3 тысяч ребятишек. Одни мамы, отправляясь на смену, сдавали детей, другие, окончив работу, брали малышей домой. Мамы одеты своеобразно: стеганое и обязательно яркое одеяльце охватывает фигуру от подмышек почти до колен и у талии стянуто поясом. На спине устроен вместительный карман с откидным клапаном. В этот карман и усаживают малыша: тепло ему, а у мамы руки свободны.

Во дворе комбината и бытовые учреждения: пошивочная мастерская, прачечная, заводские магазины, в которых можно заказать нужные продукты. У комбината свое подсобное хозяйство (скот, птица, огороды). Есть и больница на 300 коек и специальный детский профилакторий, пять домов отдыха и санаториев.

В ассортиментном кабинете, в застекленных витринах, — продукция комбината — ярко окрашенные, нарядные хлопчатобумажные и вилоновые ткани.

— Вот эта ткань, — показали нам на один из стенов, — рубашечная. Вы ее, наверное, знаете: пользуется спросом у нас в Советском Союзе да и в других странах мира. Такие вилоновые ткани вырабатываются только у нас, в КНДР, они и дешевы, и практичны, и красивы.

Целые горы вилолона — шелковистого мягкого волокна — и схему его производства я уже видела на промышленной и сельскохозяйственной выставке, открытой в столице республики.

Выставка — наглядное свидетельство огромных успехов в развитии народного хозяйства КНДР. За 20 лет существования республики, несмотря на тяжелые испытания войны 1950—1953 годов, промышленное производство увеличилось в 22 раза. Особенно велики успехи в машиностроении: это производство выросло в 100 раз. Грузовики

и сложные машины, тракторы и железнодорожные составы, китобойные суда и изделия химической промышленности, синтетический каучук и многое другое представлено на этой выставке. В стеклянных банках я видела заспиртованные корни женьшеня. Большие, сантиметром двадцать в длину, похожие на человечков, корни эти выращивают на специальных плантациях. Женьшень составляет значительную часть экспорта республики.

Братство

Еще в самолете по пути в Корею я услышала о строительстве мощной тепловой электростанции возле Пхеньяна. «Едем строить ТЭЦ — тридцать три богатыря и с нами дядька Черномор, — сказал мне сидевший в соседнем кресле парень. — Нет, не смейтесь! Мы действительно имеем дело с водой, правда, не с морской, а с горячей: мы тепловики».

Все настроены чуть торжественно и очень деловито. Разговоры все больше об изоляции, о котлах. Вынимают записные книжки и что-то чертят в них. Собрались-то с разных строек, у каждого свой опыт, и каждому хочется знать: а как у других?

С помощью Советского Союза и других социалистических стран построены и строятся на корейской земле многие промышленные предприятия. Вот и эти парни остаются после себя добрый след, хорошую память. Советские специалисты пользуются в Коре́йской Республике особым уважением и признательностью. Примеров тому множество. Об одном расскажу.

Петр Ильич Бочаров первый раз вступил на корейскую землю молодым солдатом: тогда — в 1945 году — Советская Армия освобождала Корею от японских колонизаторов. Второй раз он приехал в КНДР опытным рабочим-котельщиком, чтоб передать свое умение корейским товарищам. И вдур

беда: во время работы загорелась одежда, пламя охватило все тело. Когда доставили в больницу, надежд на спасение не было.

В светлой палате пхеньянской больницы и состоялась моя встреча с Петром Ильичом. Легкие русые волосы и глаза, как в песне поется, — «ясные, на васильки похожие», особенно яркие на болезненно-бледном лице. Неудержимая улыбка не сходила с лица. Теперь, когда все страшное позади, он чувствует себя заново рожденным и радуется всему. Тут же в палате его доктор — Кан Дак Пин, Хван Сок Хван, Ан Хом Су и молоденькая сестрица Чан Сон Ок, милая девушка с румянцем во всю щеку...

А тогда надежды не было.

— Почти не было, — говорят врачи.

И все-таки они решились. И сделали, казалось бы, невозможное.

— Я теперь наполовину кореец, — шутит Петр Ильич, — у меня сто десять братьев в Пхеньяне. Они дали мне свою кожу. А сколько крови в меня влили...

Бочарову хочется показать, что, несмотря на еще не зажившие раны, он уже может двигаться. Он делает несколько шагов по комнате. А я вижу лицо сестры: тревожная напряженность застыла на нем. Руки невольно тянутся вперед: успеть подхватить, поддержать, помочь.

Доктор Кан Дак Пин доволен своим пациентом. И просит переводчика сказать мне, что восхищен стойкостью этого русского человека, его терпением, волей к жизни. Такая адская боль, несколько операций — и ни стонов, ни жалоб.

— Когда же домой? — спрашиваю я Бочарова. — Сразу после больницы?

— Зачем же? — удивляется он. — Поправлюсь и на ТЭЦ. Доведу дело до конца...

Где-то под Владивостоком живет семья Бочарова — жена, дети. Можно представить себе, сколько бессонных ночей, мучительных и тревожных, пережито ими в эти месяцы...

Что еще добавить к этому рассказу? Просто назовем его емким словом — «братство».

Союз неутомимых

Большой, во всю стену шкаф заполнен множеством сувениров. По ним, наверное, можно изучать географию мира. Это подарки женщинам Кореи от многочисленных иностранных друзей. Здесь, в этой комнате, заседает Центральный комитет Союза демократических женщин Кореи, гостьей которого я являюсь.

Заместитель председателя Ли Кен Сук, уже немолодая, изящная женщина, рассказывает о деятельности союза:

— Женщина в старой Корее? Что сказать о ней, нищей, неграмотной и бесправной? Освобождение, равноправие женщины было частью тех задач, которые решала революция. За национальную свободу рядом с мужчинами сражались и женщины. Мы помним имена героинь, отдавших жизнь, но не склонившихся перед колонизаторами. Именно под влиянием антияпонской борьбы были заложены корни демократического женского движения. Союз родился в ноябре сорок пятого года, сразу после освобождения. Лишь немногие кореянки умели тогда читать. Первой задачей было обучить их грамоте. Каким же сейчас стал наш союз? Нет, прежде о положении женщины. Неграмотность давно ликвидирована, многие получили высшее образование. Знаете, у нас более ста тысяч женщин инженеров, педагогов, врачей, ученых. В правительстве КНДР — 73 женщины, а в местных органах власти — более 33 тысяч. Союз наш объединяет 2 миллиона 700 ты-

сяч женщин. На каждом предприятии, в каждом кооперативе есть ячейки. Союз имеет устав, членские билеты. Считаем, что членские взносы повышают ответственность и активность членов Союза.

О наших задачах. Главное — идеологическая, политическая работа среди женщин, сплочение вокруг Трудовой партии, чтобы они верили ей, шли за ней. У нас общая цель с нашими сестрами в Южной Корее — изгнание с Юга американских интервентов и объединение родины.

Недолго я была в КНДР, но успела познакомиться с некоторыми из активисток Союза. Особенно памятно знакомство с председателем Кэсонского городского комитета Союза женщин. У Ким Ин Сок трудная судьба: с восьми лет она уже батрачила на помещика, в двенадцать стала фабричной работницей. Рано потеряла мужа и осталась с двумя малолетками на руках. Учиться начала взрослой. Теперь у нее высшее образование. Получила диплом одновременно с дочками. Вот такой умудренный жизнью, отзывчивый человек работает среди женщин Кэсона.

Город этот долго находился в иностранной оккупации. Уходя из Кэсона, оккупанты насильно угнали в Южную Корею многие тысячи мужчин. Их семьи остались без средств к существованию. Женщины, как правило, не работали. Надо было приобщить их к делу, научить профессии, зажить общими интересами. В Кэсоне в последние годы построено несколько предприятий, где трудятся преимущественно женщины. Это, конечно, сильно подтолкнуло дело, помогло женщинам преодолеть страх перед тем, что ожидало их за порогом дома.

Заботу у Ким Ин Сок множество: политические беседы и школа для молодых матерей, кружки по домоводству и гигиене, хлопоты о том, чтобы всем детям нашлось место в яслях.

Кто-то назвал Союз демократических женщин Кореи Союзом неутомимых — определение точное.

Если смеются дети

Дворец стоит на горе, и поэтому отовсюду видно алое эмалевое пламя костра, украшающее его фронтон. Преодолеваем каскад лестниц и входим в великолепное здание. Действительно, дворец. Дворец пионеров. Ровный, спокойный, похожий на шум моря гул наполняет его. Ежедневно здесь бывает до 10 тысяч детей. Входим в один из кабинетов. Три десятка аккуратно подстриженных, одинаково черноволосых голов склонились над телеграфными ключами, старательно выстукивают какую-то фразу. В шкафах и на столах различные приборы связи, радиоаппаратура. В двухцветном, отлично оборудованном спортивном зале — соревнование по волейболу. Сотни полторы болельщиков облепили балконы. А в этой просторной комнате — одни девочки. Они заняты вышивкой. Искусством вышивки издревле славятся корейские мастерицы. Созданные ими картины хранятся во многих музеях мира. Девочки продолжают эту традицию. Сейчас они вышивают на шелку силуэт Корейского полуострова и сплошь покрывают его сиренево-розовыми цветами азалии — самого распространенного и любимого в Корее цветка. Вышивка отличается не только ювелирной точностью стежков, но и тонким вкусом. Чувство гармонии, изящество вообще свойственны корейскому народу. Это находит выражение и в архитектуре, и в музыке, и в одежде, особенно женской, придающей кореянке грацию, стройность, так гармонирующую со всем ее обликом.

— Если смеются дети, значит, всем людям живется лучше, — сказала мне старая женщина, глядя на веселые рожицы своих внуков.

Любознательные, заразительно веселые, общительные, деловые и вежливые ребята сообщают радостную ноту всей жизни республики. В ладных синих костюмчиках и в белых рубашках с красными галстуками (у каждой девочки в черных волосах светится сиренево-розовый, под цвет азалии, бант) дружными, но не шумными стайками спешат они по своим всегда «неотложным» делам. Одежда, включая и эти бантики, выдается государством бесплатно, так же, как книги, тетради, учебные пособия. Всеобщее обязательное среднее образование, введенное в республике с 1967 года, открывает ребятам широкие горизонты. Это и свидетельство дальновидной заботы Корейской Республики о своем будущем.

Непреклонная воля

На берегу Желтого моря, в портовом городе Нанпхо, я познакомилась с революционным училищем для девушек. Его питомцы — дети погибших революционеров. И весь педагогический состав тоже. Училище напоминает военное учебное заведение, и форма одежды военная. В течение четырех лет девушки в возрасте 16—20 лет готовятся здесь к партийной и пропагандистской работе. Готовятся они и к защите родины.

— Мы слишком хорошо знаем, чем угрожает нам американский империализм, — сказала одна из учениц. — Мы не хотим мириться с тем, что американские интервенты грабят и разоряют наш народ на Юге.

Сколько раз и от скольких людей слышала я в КНДР похожие на эти слова!.. Изгнание с Юга иноземцев-колонизаторов, объединение родины — непреклонная воля народа, которому приходится строить социализм в трудных условиях, когда в Южной Корее хозяйничают иностранные империалисты, а непрерывные провокации американской военщины на линии перемирия усиливают напряженность.

...Паньмыньжон — название этого маленького поселка знают во всем мире. Здесь в июле 1953 года было подписано соглашение о перемирии в Корее и о прекращении войны.

Своими глазами видела я полосу земли, которая называется демилитаризованной зоной, полосу, которая, словно мечом, рассекла живой организм одного народа.

Прикрепив к машине вместо пропуска желтую ленту, мы въезжаем в демилитаризованную зону. Сторожевая будка — пост Корейской Народной Армии; через полкилометра новая будка — в ней американцы. Между сопками, в глубокой впадине, несколько деревянных домиков и строения, похожие на снятые с колес автобусы. Здесь живут американские солдаты и солдаты тех стран, которые помогали американским империалистам в их бесславном походе на Север Кореи.

От того места, где мы стоим, всего несколько метров до американских казарм. Солдаты высypали из казармы и что-то кричат нам. Слов не разобрать. Зачем они пришли сюда? Почему хозяйничают здесь, за многие тысячи километров от родины?

Моя родина — Советский Союз и другие социалистические страны. Все честные люди мира давно требуют, чтобы американские империалисты и их приспешники убрались из Южной Кореи. Корейский народ сам должен решать, как ему строить свою жизнь.

Утренний прилив свежей почты принес однажды в редакцию это письмо. «Мне тринадцать лет. Брату восемь с половиной. Есть у нас две сестры. Их папа погиб на фронте, а у нас с Юрой другой папа, и он сейчас жив. Но мы ему не нужны. Он ушел к одной женщине, у которой хороший дом и сад. Я учусь на 4 и 5, брат отличник. Нам бы очень хотелось иметь хорошего папу... С семи лет я хожу один в баню, а потом стал брать с собой братишку, мою его, ухаживаю за ним. И он меня иногда даже папой называет. Во время войны много осталось таких мальчишек без родителей, но то была война, а сейчас за что?» В конце письма автор сообщал, что его зовут Сережа, а фамилии своей просил не называть.

Сколько в этом мальчишеском «за что?» отчаянной тоски и горькой зависти к судьбе детей солдата, убитого на войне! Если б тот, отец его сестер, был и его отцом — печаль мальчишки была бы гордой и он не скрывал бы фамилию отца — свою фамилию.

Но другой был отцом двух сыновей. И не понял, не заметил этого своего счастья. И опозорил отцовское звание. Он дезертир. Перед детьми и перед людьми.

Автор статьи далек от мысли утверждать, что распад семьи происходит всегда по вине мужчин. Не претендуя на анализ причин, по которым распадаются семьи, мы защищаем лишь ту новую, третью жизнь, которая возникает от любви двух и в которой-то и «кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу», как писал В. И. Ленин. Семья распалась, двое разлучили друг друга. Но продолжают оставаться отцом и матерью и должны бы стараться смягчить неизбежную для ребенка травму крушения семьи и удвоить свою заботу. Но случается, что вместе с остатками некогда роскошных чувств выплескивают вон из сердца и ребенка и понятие родительского долга. Речь здесь идет совсем не о тех отцах, что до утверждения новых Основ законодательства о семье и браке оставляли лишь прочерк в метрике ребенка, а о так называемых законных папах, которые и брак регистрируют и ребенка ждут. А потом как-то вдруг и начисто лишаются родительских чувств.

И тогда в скромном помещении районного суда города... впрочем, город можно назвать любой, слушается «Дело о взыскании алиментов». Народный суд в составе народного судьи и народных заседателей, рассмотрев заявление гражданки Ивановой (Петровой, Николаевой), устанавливает, что гражданин Иванов (Петров, Николаев) не желает добровольно помогать в содержании ребенка (детей), не участвует в его воспитании. Суд считает иск обоснованным и именем Закона выносит решение: «Взыскать с гр. Иванова алименты в размере 25 процентов со всех видов доходов, начиная с такого-то числа до совершеннолетия ребенка».

«Ищи меня...»

«Ищите женщину!» — воскликнул некогда один великий француз, пытаясь раскрыть первопричину преступления. Выражение стало крылатым. «Ищите мужчину!» — скажет теперь любой судья или следователь, разбирая заявления о злостных неплательщиках алиментов. И ищут.

Объявлен всесоюзный розыск... Не правда ли, звучит внушительно? Так и пред-

ставляешь себе: десятки людей, в форме и без, пристально вглядываются в лица прохожих, мчатся на ночных экспрессах, склоняются над картами. Где-то тут, на каком-то параллельно-меридианном перекрестке, притаился... Нет, не отрицательный герой детективного романа. Да и какой самый закрученный детектив не бледнеет в сравнении с поисками отца, убегающего от своих детей! Работники милиции годами ищут алиментщика, для которого суд не суд и закон не закон. Да что милиция — все, как говорится, снизу доверху, включаются в поиски: прокуратура и суд, профсоюзные организации, исполкомы Советов. А он, алиментщик, чуя, что платет по нему исполнительный лист, петляет по стране и напевает бодрую песенку: «Ищи меня, ищи меня, ищи меня по карте на острове Вайгач». И ищут, что вы думаете. Только, казалось бы, разыскали на острове Вайгач, ан слышится следующий куплет: «Ищи меня, ищи меня, ищи меня по карте на самой Кулунде».

И тянется эта песенка годами...
«У меня скопилось столько бумаг на получение алиментов, что ими можно оклеить не одну комнату».

«За четыре года 50 писем из организаций и ни одного рубля для ребенка».

«И так он летает по Красноярскому краю — то в поселок Сосновка, то в Березовый, то Солнечный, то Южный, а теперь вот Цветущий».

Откуда этот беззаботно-мотыльковый полет? Почему возможно такое неуважение к закону, почему иногда сводится к нулю кропотливая работа по розыску тех, кто уклоняется от выплаты алиментов?

Видимо, все еще много возможностей вернуться, увильнуть от исполнения этого закона.

Законодательство рассматривает умышленное, злостное уклонение от уплаты алиментов как преступление. Однако грань между гражданским делом о взыскании алиментов и уголовной ответственностью за злостное уклонение от их уплаты туманна и расплывчата. Если в Москве, например, три месяца уклонения от уплаты считаются достаточным сроком, чтобы к слову «алиментщик» добавился эпитет «злостный», то в некоторых других городах и областях сроки эти растягиваются на годы.

Недостаточное внимание и контроль со стороны органов милиции, суда и прокуратуры, неразворотливость и равнодушные отделы кадров и бухгалтерий предприятий весьма наруку злостным алиментщикам.

И снова слышится знакомый мотив: «Ищи меня...»

«Алименты начислены правильно»

В одной из строительных организаций работал экскаваторщиком Анатолий Дронов. Неплохим считался анатом, хорошо зарабатывал. Вдруг, ко всеобщему удивлению, подает заявление: прошу перевести меня из экскаваторщиков в сторожа, хочу понизить свою производственную квалификацию.

Оказывается, пришел на стройку исполнительный лист — надо платить сыну. Тут-то Дронов и пустил в ход свои «жизненные принципы»: «Много зарабатывать теперь ни к чему!»

Ведь чем выше заработок, тем больше доля ребенка. Этого душа алиментщика не может выдержать, лучше помереть.

И «помирают».

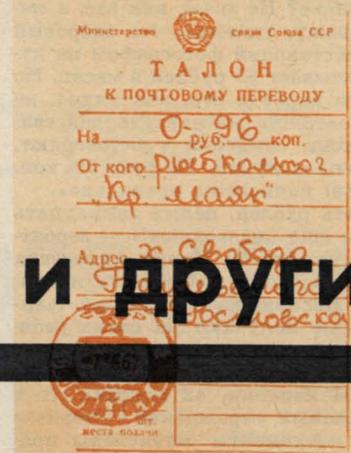
Одно время даже в большой моде было «помирать». Приходит жене и детям конверт, обведенный траурной каемочкой, в нем фотография — покойник в гробу, и письмо с пятнами слез: дескать, приказываю вам долго жить, а сам я уже в раю. Однако гроб этот из моды вышел, особенно после того, как одного «покойника» «Крокодил» воскресил.

Теперь мода пошла другая, так сказать, на раздвоение личности. Числится, например, в бегах папа Негодяев Юрий Дмитриевич, 1941 года рождения. Ищут, ищут — пропал человек. А он и не думал пропадать, просто «замуж вышел», то есть женился снова, фамилию сменил и стал уже Юрием Дмитриевичем Мозговым. Попробуй найди такого фокусника. Теперь за ним два исполнительных листа следуют — один на Негодяева, другой на Мозгового.

Среди алиментщиков ясно обозначилась и другая тенденция — к освоению смежных, по совместительству и свободных профессий: сапожников, печников, фотографов, портных, пасечников. Словом, тех самых профессий, которые дают возможность избежать той части судебного решения, где говорится насчет «всех видов доходов».

О таком представителе свободных профессий сообщила, например, председатель заводского комитета Ташкентского завода пластмассовых изделий В. И. Саринская: «Работает на нашем заводе Казбулатова Флора, растит троих детей. Муж ее оставил и работает в Нальчике фотографом. Долгое время она не получала алиментов и попросила завком помочь ей. Я написала письмо прокурору, в суд, по месту его работы. Алименты стали посту-

Негодяев и другие



пать. Но сколько? Не знаю, как вас, а меня, прямо скажу, удивило, что здоровый мужчина, работающий фотографом на курорте, зарабатывает 35 рублей в месяц. Но товарищей из нарсуда это, как видно, не удивило». Товарищи из нарсуда действительно без тени сомнения удостоверяют, что «алименты в сумме 17 руб. 50 коп. (50 процентов) начислены правильно».

«Семнадцать рублей, целых семнадцать рублей, а вы еще недовольны!» — вероятно, так воскликнули бы Мария Андреевна Тучкова из Новосибирской области и Раиса Павловна Иванова из г. Борисова. Алименты, которые получают на своих ребятишек они, выражаются в фантастических суммах: 80 копеек, 2 руб. 64 копейки, 1 руб. 04 копейки, 42 копейки. А в ответах из разных учреждений — черным по белому: «Алименты начислены правильно».

Послания официальные, с печатями, а никакого уважения к себе не внушают, ибо иначе, как издевательством над здравым смыслом, их не назовешь.

Кому не ясно, что не может здоровый мужчина зарабатывать менее 60 рублей, то есть минимального заработка, установленного в стране!

За долгое время собирания и изучения материалов к этой статье автору встретился лишь один — «ужасно жестокий» по сравнению с другими — прокурор тов. Коваленко из г. Красный Сулин, который, увидя почтовый перевод на 60 копеек, сказал: «Нет, алименты начислены неправильно!» И недвусмысленно предложил директору и бухгалтерии предприятия «впредь не высылать такие алименты и считать эти месяцы как задолженность. Предоставить ответчику такую работу, чтобы он зарабатывал не менее 60 рублей. Предупредить его об уголовной ответственности...»

Неплохо, если бы такая «жестокость» шла распространение более широкое!

Действительно, как-то негласно установилось, что к злостным неплательщикам относятся только те, кто вообще уклоняется от уплаты алиментов. А как быть с теми, кто старается поступить на низкооплачиваемую работу, причем сменную, охранником, дежурным, а в свободное от дежурства время ищет дополнительный заработок? Из этих «других видов доходов», которые часто значительно превышают основной заработок, удержаний, как правило, не производится. Как их учесть; исполнительный лист находится в бухгалтерии по месту основной работы. В связи с этим заслуживает внимания мнение начальника одного из крупных строительных участков в Ростове-на-Дону Г. В. Пальчука, которому по роду работы пришлось перевидать немало алиментчиков. «Сейчас в паспортах злостных алиментчиков будут ставить штампы. Это правильно, — пишет Григорий Васильевич, — но считаю, что там же должна быть отметка, сколько процентов удержать и куда выслать. Тогда всюду, где бы ни появился алиментчик у государственной кассы — будь то работа постоянная, временная, совместительство, договорная или разовая, с него будут удержаны алименты, как и предусмотрено законом, со всех видов заработка, а не только с зарплаты по месту нахождения исполнительного листа. При таком решении вопроса не будет необходимости посылать, пересылать, возвращать десятки раз исполнительные листы. Ведь какие ненужные почтовые, телефонные, розыскные затраты несет госбюджет! Не лучше ли исполнительный лист хранить в суде только для возможных справок? Пусть знают бегуны, что

их уловкам противостоит законодательство, которое надо уважать. От этого играют дети и еще раз дети».

Расплата

«К чему все эти копеечные споры! Нужно писать не об отцах-дезертирах, а о женской гордости. О том, чтобы женщина не унижала себя поисками и просьбами. Она должна с презрением отказываться от алиментов и одновременно ставить вопрос о лишении отца родительских прав. Детей и без него вырастим».

Предвижу подобные возражения. И даже согласна: безусловно, в них есть доля истины. И доля немалая. Пусть расскажут работники милиции и загсов о молодых людях, которые, достигнув совершеннолетия, отказываются от фамилии, полученной при рождении, словно займы. Дети не хотят быть продолжателями отцовского рода, не хотят носить фамилию, которой надо стыдиться.

«Моему сыну исполнилось 15 лет, он хорошо учится, его приняли в комсомол, но мальчик категорически отказался получить комсомольский билет на фамилию отца, — пишет А. И. Ткачева из г. Грозного. — Я никогда не настраивала сына против отца, но, подрастая, он многое начинает понимать и говорит: «Я считаю позором для себя носить его фамилию».

«Уже десять лет отец моего сына скрывается от алиментов. Может быть, просто отказывается от его денег и от его отцовских прав?» — раздумывает Л. Прохорова. (Кстати, лишение родительских прав не снимает с отца обязанности содержать детей до совершеннолетия. Его лишают лишь права воспитывать, права требовать от сына или дочери помощи на старости лет.)

Многие женщины, заработок которых позволяет отказаться от действительно унизительных хлопот и поисков, вероятно, давно и сделали это. Но ведь алименты получают не они, а дети, и даже 15 рублей в месяц будут нелишними в семейном бюджете.

«Я алименты не получаю, — пишет Лидия Буткевич из Ангрена, — и привыкла к трудностям, но как погляжу, что это отражается на детях, не могу удержать слез».

«Отражается» ли на детях — вот единственное мерило в вопросе, получать или не получать алименты.

Что же касается разговоров о богатом государстве, которое, дескать, заменит живого отца, — то не эти ли добродетельные разговоры и лежат в основе надежд некоторых алиментчиков переложить собственные долги на чужие плечи: «Я брошу — государство не бросит». И нередко мы сами даем сбываться этим надеждам, когда, потеряв терпение найти в душе алиментчика хоть жалкие остатки родственных чувств, посылаем его «ко всем чертям»: вырастим, мол, без тебя. И он, свободный от ответственности, не отягощенный ни долгами, ни совестью, катится как перекасти-поле...

Но долго ли можно убегать? От детей. От работы. От нашей морали. И для чего? Чтобы признать на последней прямой, у финиша, что бегство было бесплодным. Время делает свое дело — и человек, лишивший себя права называться отцом, захочет увидеть своих детей, захочет их прощения и сам придет на тот порог, где его долго ждали, но уже больше не ждут...

С. ЛАПТЕВА

Лучший подарок Ильичу

В этом номере журнала напечатаны странички воспоминаний старого члена партии Людмилы Николаевны Сталь, в которых она рассказывает о первой женской конференции, собравшейся в Питере почти сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции. Конференция послала тогда свою делегацию и Владимиру Ильичу Ленину. Отвечая на приветствия работниц, Владимир Ильич сказал: «Если работницы обещают нам поддержку в борьбе за власть Советов, то никакой враг нам не страшен».

Через год, в ноябре 1918 года, Владимир Ильич выступал на первом съезде работниц и крестьянок Советской России. И все те недолгие годы Советской власти, когда с нами был Ильич, он не упускал случая выступить перед женщинами-работницами, написать статью о них или для них. Пристально наблюдал за ростом политической и гражданской сознательности женщины, поддерживал и настойчиво двигал вслепо дело, улучшающее жизнь и труд женщины, утверждающее ее достоинство и престиж. Он говорил, что ненавидит, да, ненавидит все, что попирает или унижает женщину, мать, труженицу. И с гневной яростью обрушивался на все устои, все стереотипы старой морали, основанной на вековечном унижении женщины и в семье и в обществе.

В великом ленинском наследии изложены нравственные основы человеческих отношений нового социалистического мира, рожденного Октябрем, в которых едва ли не первое место отводилось роли и положению женщины.

Каждый советский человек, каждый трудовой коллентив по-своему готовится отметить дорогую дату ленинского юбилея. Мы свидетели все новых дел и добрых начинаний, рождаемых этой подгоготовкой.

Во многих республиках и областях страны проходят съезды, активы женщин. Только в апреле их было несколько. На свой съезд приехали в Мурманск передовые женщины Заполярного края: рыбаки из Кандаляки, работницы, геологи, инженеры «Североникеля», Апатитов, оленеводы из тундры. А через день в Свердловске торжественно и деловито начал работу съезд тружениц Среднего Урала. На другом конце страны — в Ереване — женщины Советской Армении собрали республиканский актив. Состоялся съезд и в далекой Якутии. Только на этих съездах участвовали тысячи людей. А за каждой делегаткой — десятки и сотни других активисток, ее выбравших.

По хорошей, доброй традиции, которая родилась еще в первые годы Советской власти, выбираются женские съезды и активы. Основная задача этих больших собраний — поделиться опытом, подумать сообща, как лучше, как достойнее, как целесообразнее применить свои силы, способности, знания, энергию для дела, которому отдал жизнь Ленин, которому служит ленинская партия.

И если почитать принятые на этих собраниях, съездах и активах документы, то увидишь в них аккumulированную волю и непреклонную решимость миллионов людей ударным трудом отметить славную дату. Работать и по долгу, и по чести, и по совести. В каждом документе конкретные обязательства. Свердловчанин, например, записали в своем обращении: «Добиваться широкого внедрения новой техники... Активно осуществлять научную организацию труда и производства...» Жительницы Кольского полуострова обязались всемерно развивать производительные силы Советского Заполярья.

Каждое такое собрание важно еще и потому, что, готовясь к нему, люди вновь и вновь обращаются к ленинским заветам, проверяют, что сделано. Каждое такое собрание проникнуто духом Ленина, его мыслью.

ПО НЕСООТВЕТСТВИЮ НАСТОЯЩЕМУ ВРЕМЕНИ...

Знаете ли вы, какой город в прошлом году на Всероссийском смотре городов по благоустройству занял первое место? Нижнекамск!

Город юности, как его здесь называют, родился всего пять лет назад. Там, где недавно росла полынь, высятся многоэтажные жилые дома, корпуса заводов и химкомбината. В городе много зелени, цветов и молодежи. Условному среднему жителю Нижнекамска всего двадцать шесть лет. В общем, это очень хороший город, светлый — то ли от улыбок юности, то ли от чистоты и порядка на улицах.

Но благоустройство — понятие широкое, и относится оно не только к улицам и квартирам. Благоустроить свой завод, комбинат, стройку не менее важно: ведь на работе проходит значительная часть жизни. Специалисты по технической эстетике давно доказали: от того, как организован быт на производстве, зависит и настроение рабочих, и производительность их труда, и здоровье. И, конечно же, легче всего добиться благоустройства производственного быта в молодом городе, где все новое, все с иголочки — и дома и предприятия.

В редакционной почте встречаются письма, где работницы жалуются на плохие условия труда. Чаще всего приходят эти письма со старых фабрик и заводов. Трудно перестраивать здания, возведенные еще до революции, перепланировать их, переоборудовать. Но когда на письме, в котором сообщалось: «У нас в арматурном цехе плохие условия труда: ни помыться, ни отдохнуть. Нет даже титана, воду приходится пить сырую, прямо из-под крана», — мы увидели обратный адрес: «Нижнекамск», — не хотелось этому и верить.

Тем не менее адрес был именно такой: Нижнекамск. Завод железобетонных изделий, арматурный цех.

По адресу, указанному в письме, отпра-

вилась рейдовая бригада «Работницы». Мы шли, что называется, с письмом в руках, и с каждым шагом убеждались, что все, о чем пишут работницы, верно.

Важный участок завода железобетонных изделий — полигон. Здесь рабочие арматурного цеха — половина из них женщины — делают дорожные плиты, балки, колонны, лестничные марши, в общем, все, что нужно для строек нового города. Работа на полигоне грязная. После нее необходимо помыться, переодеться. Кажется, за чем же дело стало? Ведь завод железобетонных изделий, как и все предприятия этого молодого города, построен по последнему слову науки и техники. Но...

«Душ у нас есть, мужской и женский. Недавно отремонтировали, покрасили, но нет горячей воды, а если откроешь краны, то из рожков идет одна грязь да ржавчина! Мыться тут нельзя, и служит душевая забегаловкой для любителей выпить».

Идем в душевые. В раздевалке холодно. Из мебели — одна скамеечка. Шкафчики для одежды разломаны. На полу валяются бутылки из-под водки. Горячей воды нет.

Сидеть на полигоне без горячей воды — все равно что умирать от жажды на берегу Волги: воды здесь можно нагреть сколько душе угодно, ведь пар отпускается для нужд самого производства в неограниченном количестве. Не хватает другого — желаний наладить быт рабочих.

Начальник цеха Петр Романович Прокопенко уверяет:

— Слышите стук за стеной? Это слесарь ремонтом занимается. Завтра все будет в полном порядке. Обещаю.

Но душ не работал ни через день, ни через неделю.

«В обеденный перерыв мы ютимся в цехе на трубах. Рядом идут сварочные работы, шум, газ, но что поделаешь — греться где-то надо».

Быть может, в арматурном цехе нет помещений для отдыха рабочих? Ничего подобного! «Есть у нас и красный уголок. Все в нем отремонтировано, покрашено. Только рабочим туда вход закрыт. Ключ от красного уголка начальник цеха прячет в потайном месте».

Находим ключ, отпираем замок — и что же? Голые стены, стол, несколько колченогих стульев, пыль кругом.

Начальник цеха и тут нашелся:

— Красный уголок на ремонте. Вот оформим его через месяц-другой, тогда и добро пожаловать.

— Но хоть газеты сюда приносят? — спросили мы без умысла. Потому что, как мы уже выяснили в постройкоме, специально для этого красного уголка выписывается восемь газет.

Начальник цеха развел руками:

— Газет нет...

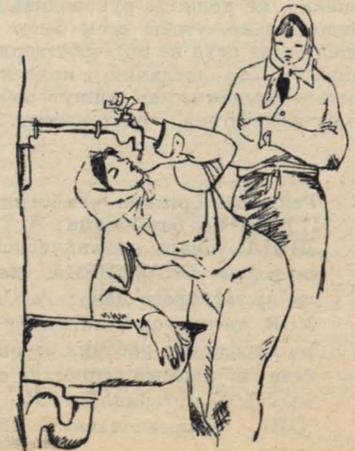
Что ж, опять все так, как сообщали авторы письма: «Газет мы не видим. И когда спрашиваем у начальника: «Почему не даете читать?» — получаем один ответ: «Зачем вам газеты — хлеб завертывать?» Надо сказать, и в разговоре с участниками рейда товарищ Прокопенко вел себя вызывающе, неточной информацией старался ввести в заблуждение, пытался доказать, что письмо работниц — пустая клевета.

Работницы писали: «Нас беспокоит, что в цехе нет питьевой воды. Верней, она есть, но только в мужском туалете, да и та холодная. Сколько раз обзывали начальника цеха отремонтировать титан. Ему, наверное, и выговоров столько дадено, что на воз не сложить, но все остается по-прежнему».

— Вранье, — возмущался Прокопенко. — Есть титан! Хотите, покажу?

К приходу рейдовой бригады титан оказался в цехе. Он даже грелся...

Одна из работниц пояснила:



— Полмесяца назад титан установили, но он бездействовал. А как узнали, что с проверкой идете,— включили.

На другой день титан опять не работал.

«Есть у нас и инженер по технике безопасности. Должен он проводить работу по охране человека...»

Хорошо, точно сказали работницы: «охрана человека»... Но как же здесь охраняют здоровье работниц и их труд?

Арматуру женщинам часто приходится носить на себе. Вся территория полигона завалена, изделия брошены где попало и как попало, того и гляди споткнешься, особенно если не належке идешь, а с грузом... Комнаты гигиены женщины нет, освещение плохое, никуда не годится вентиляция. Из-за духоты сварщицы даже в морозы предпочитают работать под открытым небом.

«Руководство словно и не видит всего этого. Начальник цеха часто на завод является навеселе и только кричит на рабочих. И люди уходят с работы».

Наша рейдовая бригада побывала у директора завода, чтобы выяснить, как же он-то относится ко всему вышеизложенному. Оказывается, директор М. А. Андреев все недостатки объясняет молодостью завода, считает их «болезнью роста». Он доказывал нам, что со временем все утрясется, уладится, а пока, дескать, как-нибудь перебьемся.

Естественно, что таких же взглядов придерживаются и многие подчиненные. Вздыхают сокрушенно: «Не та молодежь пошла — трудностей боится». И вспоминают времена, когда «не в таких условиях работали и то не жаловались». Да, времена изменились, сейчас государство имеет возможность давать и дает огромные средства на благоустройство бытовых помещений при заводах. Недаром каждый абзац письма работниц начинается со слова — «есть». Все есть: душ есть, бытовки есть, титан есть, красный уголок есть, техника есть,— все это предусмотрело государство, отпустило на это деньги, материалы. Плохие условия труда — следствие бесхозяйственности и равнодушия к людям, к их нуждам. Советские люди, в том числе и молодые, всегда умели и сумеют победить трудности, вызванные действительно серьезными жизненными причинами, но не хотят мириться с бесхозяйственностью и разгильдяйством.

На другой день после нашего рейда тов. Прокопенко положил на стол директора заявление с просьбой уволить его с завода по собственному желанию. И директор это его внезапно появившееся после рейда «желание» удовлетворил. Нам кажется — зря! Конечно, такие люди, как Прокопенко, не должны руководить цехами. Надо только, чтобы всем было ясно, что ушел он из цеха не по «собственному» желанию, а по «желанию коллектива, по причине полного, как пишут работницы, «несоответствия настоящему времени».

Рейдовая бригада «Работницы»: Г. БАРОВА, бетонщица; А. ТРОНДИНА, токарь механической мастерской; С. ГАДИЕВА, сварщица арматурного цеха; А. САЛЯХОВ, инспектор Татарского обкома профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов; И. ВЛЮХИН, корреспондент «Работницы».



Летний салат

Летом, когда много свежей зелени, на столе в изобилии должны быть сырые овощи или салаты из них. Можно ограничивать себя в сладких, мучных, жирных блюдах, но только не в овощах. Чем больше едите вы зелени, тем лучше себя чувствуете, а значит, лучше выглядите. Приучайте к овощам и детей — им особенно нужны витамины.

Салаты хороши и как закуски и как гарниры, их можно подавать на завтрак, на обед, на ужин.

Прежде чем очищать овощи, тщательно вымойте их под струей воды. Морковь, свеклу, редиску хорошенько потрите щеткой.

Резать и чистить овощи рекомендуется ножами из нержавеющей стали. Кожу срезайте как можно тоньше — именно под ней находятся самые ценные питательные вещества.

Почти все овощи для салатов надо измельчать — тем мельче, чем плотнее их ткани (в первую очередь это относится к свекле, репе, сельдерею, моркови). Редиску, огурцы, помидоры, лук достаточно нарезать ломтиками, а нежные листочки салата подавайте целиком.

Все салаты из сырых овощей готовят непосредственно перед подачей на стол — если овощи долго лежат нарезанными, тем более на свету, они теряют и питательную ценность и вкус.

Соусы и приправы к салатам нужны не только для вкуса. Установлено, что содержащийся в них жир обволакивает частички овощей тонкой пленкой и охраняет витамины от воздействия кислорода. Заправляйте и солите салаты в последнюю минуту перед подачей на стол.

САЛАТ ИЗ КАПУСТЫ И СОЛЕННЫХ ОГУРЦОВ

(все рецепты даны из расчета на 3—4 человека)

Мелко нашинкуйте капусту, добавьте нарезанные кубиками соленые огурцы, зелень петрушки и заправьте растительным маслом. Соль и сахар — по вкусу.

На небольшой кочан капусты: 2 огурца, 2 столовые ложки нарезанной петрушки, 3 ложки масла.

ЗЕЛЕНЫЙ САЛАТ ПО-ПОЛЬСКИ

Вымойте в дуршлаге листья салата, дайте стечь воде, выложите целыми в салатницу, добавьте лимонный сок и залейте сметаной. Положите укроп. Сахар и соль — по вкусу. Украсить салат можно дольками крутых яиц.

На 2 пучка салата: 2 яйца, столовая ложка изрубленной зелени укропа или зеленого лука, чайная ложка лимонного сока, 100—150 г сметаны.

САЛАТ ИЗ СВЕКЛЫ С ХРЕНОМ

Очистите и натрите свеклу на крупной терке. Яблоки нарежьте кубиками, добавьте хрен, зелень (петрушку, укроп), заправьте сметаной или майонезом. Сахар и соль — по вкусу.

На 1 свеклу: одно яблоко, столовая ложка тертого хрена, 2 ложки сметаны, ложка мелко нарезанной зелени.

САЛАТ ИЗ РЕПЧАТОГО ЛУКА

Нарежьте очищенный и вымытый репчатый лук (можно ошпарить его крутым кипятком, чтобы исчезла горечь) и кислые яблоки, заправьте сметаной и посыпьте мелко нарезанным зеленым луком. Соль, сахар, перец — по вкусу.

На 300 г репчатого лука: два яблока, 100 г сметаны, столовая ложка нарезанного зеленого лука.

САЛАТ ИЗ ЗЕЛЕНОГО ЛУКА С ТВОРОГОМ

Мелко нарежьте зеленый лук, смешайте его с творогом или нарезанным мягким, неострым сыром, посолите по вкусу и обильно полейте сметаной.

На 150 г зеленого лука: 300 г творога (сыра), стакан сметаны.



САЛАТ ИЗ КАБАЧКОВ

Очистите кабачок, разрежьте вдоль, удалите сердцевину и нарежьте обе половинки поперек тонкими прозрачными ломтиками. Смешайте мелко нарезанный лук с кабачками. Для того, чтобы приготовить заправку, разотрите чеснок, добавьте растительное масло, горчицу, зелень, соль, перец, если хотите, то и щепотку сахара. Можно прибавить и сметану.

На 1 кабачок: луковица, 2 дольки чеснока, столовая ложка горчицы, 2 ложки растительного масла, 2 ложки нарубленной зелени, 3 ложки сметаны.

САЛАТ ИЗ МОРКОВИ И ОГУРЦОВ

Очищенную морковь натрите на крупной терке, огурцы очистите и нарежьте брусочками. Перемешайте все с укропом и сметаной, добавив по вкусу соль и сахар.

На 3—4 морковки: столько же огурцов, 2 столовые ложки укропа, полстакана сметаны.

Любители более острых салатов могут добавить уксус или лимонный сок.



САЛАТ ИЗ ГОРЬКИХ ОГУРЦОВ

(Это рецепт нашей читательницы Т. Познянской из г. Красногурьянска.)

Очень неприятно, если вы купили огурцы, а они оказались горькими. Но из них можно приготовить салат, в котором горечь вообще не будет ощущаться. Делаю я это так: очищаю огурцы, натираю на средней терке, посыпаю мелкой солью, добавляю немного перца, подсолнечного масла, уксуса или лимонного сока.

Получается очень вкусно. А еще вкуснее, если добавить в салат помидоры, зеленый лук и укроп. Подаю я такой салат обычно на завтрак вместе с горячей отварной картошкой.

Есть еще одно средство уменьшить горечь огурца: почистить его и опустить в слегка подсахаренное молоко.

● Несколько капель лимонного сока или уксуса, добавленные в салат сразу же после приготовления, позволят сохранить в нем больше витамина С.

● Увядавшие листья салата поддержите минут 15 в теплой воде — и они снова станут свежими. Другие овощи можно освежить, подержав в холодной воде, куда добавлены 2—3 ложки уксуса. Но учтите: ценных минеральных веществ и витаминов становится от этого меньше.

● Овощи для салата рекомендуется охладить. Ни в коем случае не соединяйте теплые продукты с холодными — от этого салат быстро испортится.

● Нельзя готовить и хранить салат в металлической посуде — только в эмалированной, керамической, стеклянной.



Рисунки И. КЛЕШКО.

САЛАТ ИЗ РЕДИСКИ С ТВОРОГОМ

Смешайте ломтики редиски с творогом или сыром, посолите, полейте сметаной и посыпьте зеленью. Молодые листочки редиски тоже пойдут в салат.

На 2 пучка редиски: 300 г творога, полстакана сметаны, 3 столовые ложки нарезанного зеленого лука.

САЛАТ «СНЕЖОК»

(Рецепт предлагает читательница А. Храновская из г. Львова.)

Натрите на крупной терке очищенную редьку или мелко нарежьте редиску, смешайте с сильно охлажденным и тоже натертым на терке сливочным маслом, сверху посыпьте зеленью петрушки. Солите по вкусу.

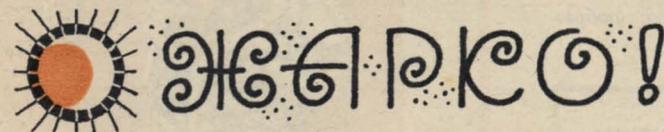
На 200 г редьки или редиски: 50 г масла.

ВОСТОЧНЫЙ САЛАТ

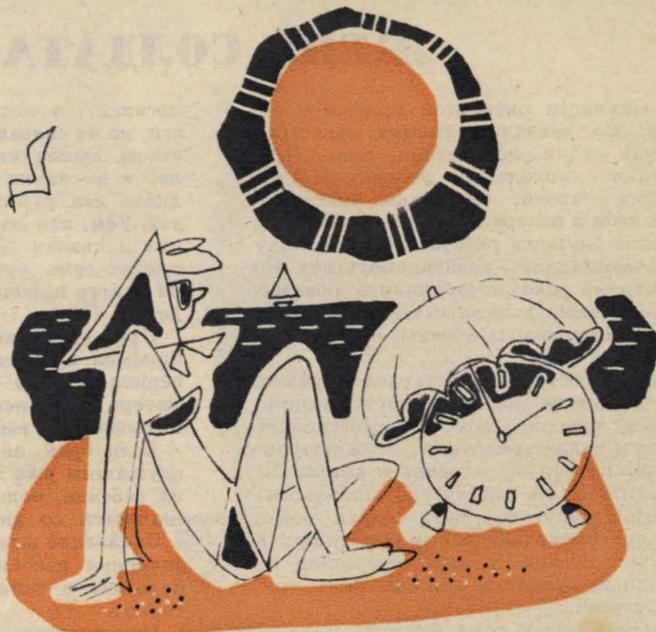
Этот салат очень популярен в странах Востока — в Японии, Бирме, Таиланде. Несмотря на необычное приготовление и тепловую обработку, салат полностью сохраняет витамины.

Белокачанную капусту нарежьте кубиками, ошпарьте кипятком и остудите руками. Нагрейте в кастрюле растительное масло (но ни в коем случае не доводите до кипения), бросьте туда же красный перец, капусту, немного сахарного песка, влейте лимонный сок и тщательно перемешайте. Дайте салату постоять не менее четырех часов и тогда подавайте на стол.

На кочан капусты (600 г): 50 г масла, один стручок сушеного красного перца, сок одного лимона, сахар, соль по вкусу.



Последите за собой, пожалуйста!



Косметика и солнце

● Лицо подставляйте солнцу без всякого грима — только губы смажьте жиром, чтобы не потрескались. Перед тем, как идти на пляж, не умывайтесь мылом и не наносите на лицо питательный крем. Глаза защитите зелеными листочками — они убергут от лишнего морщинок лучше, чем темные очки.

● Обожглись на солнце — сделайте компресс из тертого сырого картофеля или простокваши. Ни в коем случае не мойте обожженные места водой, мылом, не втирайте кремы, масла — это вызовет лишь раздражение кожи. Если ожог сопровождается сильной головной болью, ознобом, повышенной температурой — непременно обратитесь к врачу.

● Солнце, ветер, соленая морская вода портят волосы, особенно сухие, а также крашенные. Советуем летом постоянно носить косынку или соломенную шляпу. Не сушите мокрые волосы на солнце — они станут ломкими, безжизненными.

● Летом, когда мы ходим в платьях без рукавов, сарафанах, лучше сбрасывать волосы под мышками. Особенно нужно это тем, кто сильно потеет. Самое верное средство избавиться от запаха пота — это мыло, мыло и еще раз мыло. Его не заменит ни одеколон, ни туалетная вода. Вместе с мылом (но не вместо него) можно применять специальный лосьон «Астра» или пасту Теймурова.

● Купальный костюм, как и любой вид одежды, следует выбирать с учетом своей фигуры. Полным женщинам лучше подойдет закрытый купальник темных тонов, а молодым и худеньким — более яркий, состоящий из двух частей. Многим мы бы посоветовали надевать под купальник лифчик, но, разумеется, он не должен быть заметен. Лучше иметь два костюма: один для купания, другой — для загорания. Выйдя из воды, насухо вытрите полотенцем, переоденьтесь в сухой костюм и лишь тогда выходите на солнце.

● Никогда не позволяйте себе оставаться на пляже в нижнем белье, даже если вам кажется, что вас никто не видит. А муж, дети?

Л. ДРАНОВСКАЯ,
врач-косметолог

● Женщинам, которые хотят вернуться из отпуска загорелыми и посвежевшими, убедительно рекомендуем на это время расстаться с румянами, пудрой, красной для ресниц, лосьонами и одеколоном, обладающим резким запахом. Вместо этого — «естественная косметика»: как можно больше движения на свежем воздухе, солнечные, морские, речные, воздушные ванны (в разумных пропорциях) и лишь на вечер допустима светлая губная помада, соответствующая оттенку загара.

● Движение на свежем воздухе так же важно для организма, как ежедневный обед. Без движения кожа и мышцы стареют, становятся вялыми, дряблыми. Воспользуйтесь отпуском, чтобы побродить босиком по лесу или горячему песку на пляже. Это куда полезнее, чем просиживать часами, неподвижно склонившись над вышиванием или книжкой.

● Не следует часами «жариться» на пляже. Это может иметь одинаково неблагоприятные последствия и для здоровья и для красоты. Главное, чтобы ваша кожа дышала свободно и приобрела здоровый, красивый оттенок.

● Лучше всего загорать рано утром или вечером, после 17 часов. В полдень, когда солнце в зените, советуем отдохнуть в тени. Первая в сезоне солнечная ванна не должна длиться более 10—15 минут, затем можно это время увеличить — но и к концу отпуска не советуем неподвижно лежать на солнце более получаса, лучше походите, поиграйте в волейбол, в бадминтон.

● Солнце и ветер очень быстро сушат кожу. Особенно быстро высыхает (а значит, покрывается морщинами) кожа у женщин среднего возраста. Советуем применять перед сном специальные увлажняющие кремы или накладывать обычный крем на влажную после умывания лицо.

● Когда вы чувствуете себя обессиленной от жары, примите душ, но не холодный, а теплый: он освежит и прогонит усталость. А если с самого утра не можете справиться со сонливостью, встаньте под холодный или очень горячий душ, сразу будете бодрее.

● Душ принять негде или некогда. Опустите обе руки по локоть в холодную воду — и через несколько минут почувствуете себя словно бы отдохнувшей.

● Укусы комара особенно неприятны, если их расчесать. Чтобы успокоить зуд и раздражение, потрите укушенное место тампоном, смоченным столовым уксусом, лимонным соком

или нашатырным спиртом. Есть народное средство против осинового укуса: свежие листочки петрушки. Петрушку надо размять руками и приложить к месту укуса.

● Хочется пить. Лимонад и другие фруктовые воды плохо утоляют жажду. Лучше выпейте чашку горячего чая без сахара.

● Тем, кто сильно потеет и страдает от неустойчивой жажды, помогает подсоленная вода: она компенсирует потерю солей организмом.

● Воду из реки, озера, даже болотца вполне можно пить, если вскипятить ее или бросить в кружку два-три кристаллика марганцовки. Невкусно, зато безопасно.

ЖЕНЕ СОЛДАТА

...Объявлен очередной призыв в армию. На вокзалах гремят оркестры, звучат песни, напутствия, смех. Провожают молодежь, угловатых, неловких парней, смущенно чувствующих себя в центре всеобщего внимания. Уходят служить ребята... Большинству по восемнадцать, девятнадцать лет. Но некоторые уже поторопились обзавестись семьями и даже стать отцами. Их провожают молодые жены, отныне солдатки.

Наше государство старается учесть те трудности, которые могут возникнуть в молодой семье, и предоставляет семьям солдат ряд льгот. Если женщина до сих пор не работала и хотела бы устроиться на работу, то исполкомы Советов депутатов трудящихся помогут осуществиться этому желанию: в течение месяца со дня обращения за помощью солдатка должна быть трудоустроена.

А если она к тому же мать маленького ребенка, то малыш будет определен в сад или ясли.

Жены солдат, матросов, сержантов и старшин срочной службы имеют право получать денежное пособие на детей, назначаемое со дня явки мужа в военкомат для отправки в воинскую часть. На детей, родившихся после призыва отца на службу, пособие назначается со дня рождения. Получать это пособие имеют право и жены курсантов, слушателей военно-учебных заведений. (Семьям военных строителей пособие не выплачивается, поскольку военные строители получают заработную плату и имеют возможность оказывать семьям материальную помощь.)

Женщинам-солдаткам, проживающим в городах, рабочих и курортных

поселках, а также в сельской местности, но не связанным с сельским хозяйством, выплачивается пятнадцать рублей в месяц на одного ребенка и двадцать два рубля на двух и более детей. Тем, кто живет в сельской местности и связан с сельским хозяйством, платят семь рублей пятьдесят копеек на одного и двенадцать рублей на двух детей.

При расторжении брака — как до призыва на военную службу, так и в период службы — пособие назначается матери либо опеку, если ребенок воспитывается у него.

Если брак зарегистрирован военнослужащим уже после призыва, пособие на ребенка, родившегося до брака, назначается со дня регистрации брака.

Заявление и все необходимые для назначения пособия документы следует подавать в районный военный комиссариат.

При переезде семьи в другой район выплата пособия по прежнему месту жительства прекращается и назначается вновь на основании таких же документов и справки отдела социального обеспечения о прекращении выплаты по старому адресу.

Выплата прекращается в связи с увольнением военнослужащего в запас, зачислением его на сверхсрочную службу или назначением на офицерскую должность с окладом.

Жены военнослужащих срочной службы, не имеющие детей, освобождаются от налога по бездетности.

Начальник отдела писем
Приемной Министерства обороны СССР
Д. ОЛЬХОВ,
полковник юстиции

На первой странице обложки: ВОЛЖАНОЧКА.

На четвертой странице обложки: ЖИГУЛИ.

Фото Б. РАСКИНА.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройка женского пояса на любую фигуру; рисунки вышивки; вязание.

<p>Адрес редакции: МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ пр., 14.</p> <p>ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ: промышленного — 250-11-72; международной жизни — 250-12-30; литературы и искусства — 250-12-30; семья и быта — 250-11-93; науки и антирелигиозной пропаганды — 253-30-76; художественного оформления — 253-34-79; писем — 250-57-38; массовой работы — 250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.</p>	<p>Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.</p> <p>Редакционная коллегия: Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА, М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, Е. Д. МИШИНА, З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора).</p>
<p>Оформление художника Я. МИРОШНИЧЕНКО.</p>	<p>Технический редактор Т. ЖУРАВЛЕВА.</p>
<p>Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.</p>	<p>Сдано в набор 30/IV-69 г. А 00119. Подписано в печ. 28/V-69 г. Формат бумаги 60×92¼. Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56. Тираж 10 900 000 экз. (1-й завод: 1—10 393 000 экз.) Изд. № 1027. Заказ № 1393.</p>

Набивные ткани с цветочным орнаментом снова в моде. Из них шьют костюмы, платья, блузки, используют для отделки.

1. Костюм для высокой женщины любого возраста: удлиненный жакет с отрезной баской и чуть расширенная юбка. Отделка — светлая тесьма или бейка.

2. Платье из льна с лавсаном отделано аппликацией из яркой набивной ткани. Модные рукава с оборкой больше подойдут молодым женщинам; если сделать рукава обычной формы, платье можно рекомендовать для всех возрастов.

3. Молодежный костюм из светлого пике, рогожки, поплина, сатина с мелким рисунком. Короткий прямой жакет и расширенная юбка. Дополнения: черные пуговицы, бант под воротником и модный широкий пояс.

4. Костюм для полной женщины любого возраста шит из шелковой или хлопчатобумажной ткани с четким графическим рисунком. Жакет без застежки, юбка прямая или расширенная. Блузка со съёмным, пристегнутым жабо из гладкой ткани подходящего тона.

5. Жилет и юбка из гладкого льна с лавсаном, отделанные крупной темной строчкой. — удобная одежда для женщины любого возраста и комплекции. Блузки могут быть самые разные: и яркие и темные.

Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ.





2

3

4

5



Цена 10 копеек.
Индекс 70770.